

Ольга Сокол

КОД

Магии

Ольга Сокол

Код Магии

<https://litres.ru/73733156>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — практикующий юрист. Моя работа — искать закономерности, выстраивать логические цепочки и понимать, как устроены сложные системы.

Этот профессиональный взгляд я невольно переношу и в своё хобби: чтение и сочинительство для меня — тоже способ разгадывать устройство миров. Я убеждена, что у магии, как и у права, есть свои законы. Просто они не всегда лежат на поверхности.

Моя дебютная книга «Код Магии» — о программисте, который случайно приоткрыл завесу и увидел, что реальность соткана из скрытых связей и древних правил. О том, что настоящая магия всегда рядом, просто мы разучились её замечать.

Добро пожаловать в реальность, где невозможное становится возможным, а каждая мелочь оказывается частью замысла.

Эта книга о выборе, о природе силы и о том, что настоящая магия, возможно, совсем не там, где мы привыкли её искать.

Ольга Сокол

Код Магии

Предисловие

Паутина невидимого

Мы привыкли думать, что живём в понятном мире. Мире, где стены – это просто стены, встречи – это просто встречи, а день – это просто череда событий. Мы верим в логику, в причину и следствие, в то, что можем если не всё контролировать, то хотя бы объяснить. Но что, если это лишь тонкий верхний слой реальности? Слой, под которым пульсирует нечто иное – более глубокое, тёплое и пугающее одновременно.

Вы ведь чувствовали это. Мир вокруг проникает в нас гораздо глубже, чем мы готовы признать. Это не просто пейзаж за окном – это состояние души. Это не просто звуки – это отголоски чего-то давно забытого.

Вспомните. Случайность, которая оказалась настолько точной и своевременной, что в её «случайность» уже не верится. Ощущение дежавю – не мимолётное, а всепоглощающее, будто ты на мгновение шагнул на уже протоптанную тропу собственной судьбы. Лицо в толпе, от которого сердце замирает без всякой причины, будто душа узнаёт то, что разуму неведомо. Беспричинный страх, накатывающий в, казалось бы, безопасном месте, будто воздух вдруг наполнился

незримыми тенями. И магия. Не та, что с посохами и заклинаниями, а та, что тихо живёт в краюшке хлеба, которым с тобой поделились в трудную минуту. Волшебство, что прячется в старой фотографии, способной вернуть запах того дня, и в мелодии, которая вдруг останавливает время.

Всё это – не сбой в системе. Это нити. Тонкие, невидимые, но невероятно прочные нити, которые связывают нас с миром, друг с другом, с прошлым и, возможно, с будущим. Мы не просто живём в пространстве – мы пронизаны этими связями, как коконом. Иногда они нас поддерживают, иногда – опутывают, но они всегда есть.

Эта книга – попытка не разорвать эти нити (это и невозможно, и ненужно), а попробовать их рассмотреть. Прикоснуться к ним. Услышать их тихое напряжение. Это приглашение замедлиться и признать: реальность куда больше, страннее и чудеснее, чем мы привыкли думать. Она дышит, помнит и разговаривает с нами на языке символов, снов и внезапных озарений.

Давайте отважimsя взглянуть за привычную грань. Возможно, самое важное путешествие – это не в дальние страны, а вглубь этой удивительной, живой паутины, в центре которой мы все находимся.

Добро пожаловать в мир, который помнит. И который чувствует.

В детстве нам рассказывают сказки. О волшебниках в остроконечных шляпах, о говорящих зверях, о предметах, исполняющих желания. Мы слушаем их, затаив дыхание, и верим. А потом вырастаем – и вера уходит, сменяясь скепсисом. Сказки становятся «милыми историями для малышей». Мы читаем фантастику, смотрим фильмы про магию, но твёрдо знаем: это выдумка. Игры воображения.

Но откуда берутся эти истории? Кто их придумывает? Может быть, те, кто однажды прикоснулся к чему-то настоящему? Может быть, сказки – это не ложь, а зашифрованная память? И где та грань, за которой вымысел становится реальностью?

Семёну было двадцать два, когда он впервые столкнулся с тем, что не вписывалось ни в какие алгоритмы. И всё началось вполне безобидно.

Диплом факультета информационных систем и программирования Ростовского университета уже лежал в папке с документами. Впереди ждала взрослая жизнь: он прошёл собеседование в крупную IT-компанию, но место освободилось только в сентябре. В запасе было целое лето – время, которое хотелось провести с пользой, но без нервотрёпки. Отдохнуть от кода, набраться сил перед серьёзным стартом. И при этом не сидеть без дела.

Идея подработки пришла сама собой. Что-то простое, не по специальности, чтобы голова отдыхала, а карман пополнялся. И тут словно сама судьба подкинула вариант: прогу-

ливаясь по набережной Ростова, Семён заметил небольшую витрину с фарфоровыми чайниками и загадочными иероглифами. Магазин назывался «Белый журавль». Внутри пахло древесиной, чаем, сушёными травами и покоем.

Хозяин, мужчина лет сорока с внимательными глазами, предложил работу продавца. График оказался жёстким – полная неделя, но зато с возможностью заниматься своими делами в свободные минуты. Между покупателями можно было сидеть с ноутбуком, писать код, читать или просто смотреть в окно на парк. Семён согласился, не раздумывая. Это было именно то, что нужно: лёгкая работа, спокойная атмосфера и время для себя.

Квартира нашлась быстро – в родном Батайске, где он вырос. Город расположился на левом берегу Дона, а Ростов, где находился магазин, – на правом. Каждое утро Семёну предстояло переезжать через мост, разделяющий не только два города, но и, если верить географам, две части света. Говорят, граница между Европой и Азией проходит как раз по реке Дон. Получалось, правобережный Ростов – Европа, а левобережный Батайск, вместе со стадионом «Ростов-Арена», – уже Азия. Какого-то указателя, конечно, не было, но Семёну очень хотелось однажды поставить там дорожный знак. Чтобы можно было фотографироваться и постить в сеть: «На выходные в Европу махнул».

Его подруга Варя, с которой они учились в одном лицее и жили в одном доме (он на втором этаже, она на третьем),

теперь работала терапевтом в одной из ростовских клиник. Варя изменилась. Та самая «мелкая», которую он дразнил в школьные годы, вытянулась, расцвела и превратилась в привлекательную молодую женщину. Хрупкость осталась, но теперь в ней чувствовалась порода – та особая, врачебная стать, когда за мягкостью движений угадывается стальной характер. Светлые длинные волосы она теперь часто собирала в аккуратный пучок, открывая тонкую шею и острые скулы, а в голубых глазах появилась та глубина, которая заставляла пациентов верить каждому её слову.

Каждое утро она, как и Семён, моталась через тот же самый мост из Батайска в Ростов. «У меня теперь работа в Европе и европейское медицинское образование», – шутила она, намекая на свою ежедневную «миграцию» между частями света. И Семён ловил себя на мысли, что рад их дружбе. Рад, что после всех лет, после того как каждый пошёл своей дорогой, они всё ещё понимают друг друга с полуслова. Что Варя, при всей её серьёзности и новой, взрослой красоте, осталась той самой девчонкой, которая когда-то кричала ему с третьего этажа: «Сенька, выходи гулять!»

И когда он иногда, по старой привычке, называл её «мелкой», Варя всё так же задорно парировала: «Я живу выше тебя, значит, и выше ростом!»

Первые рабочие дни в «Белом журавле» пролетали незаметно. Семён быстро освоил премудрости чайной церемонии: проливы, температура воды, правильная посуда. Он чи-

тал про улуны, пуэры, белые и красные чаи, пробовал каждый день что-то новое. Особенно затягивал выдержанный пуэр – густой, с луговыми нотками, он располагал к медитации и спокойным размышлениям. Наблюдать, как разворачиваются чайные листья в горячей воде, вдыхать аромат, чувствовать послевкусие – это было похоже на перезагрузку.

В перерывах между покупателями Семён открывал ноутбук и неторопливо писал код. Не для компании – до сентября было ещё далеко, просто для себя. Экспериментировал, учился новым фреймворкам, иногда просто листал статьи. Работа продавца оставляла достаточно времени, чтобы оставаться в тонусе, но не выгорать. Идеальный расклад.

Прямо напротив, через узкую парковую аллею, находилась химчистка «Светлый пар». Название казалось Семёну одновременно многообещающим и забавным. Кто вообще придумывает такие названия? Может быть, тот, кто знает что-то, чего не знают другие?

В химчистке работали две женщины. Они принимали одежду, заполняли накладные, уточняли, от каких пятен избавиться, иногда предлагали покрасить или отпарить вещь. Семён раньше и не задумывался, сколько людей пользуются такими услугами. Он просто бросал джинсы в стиральную машинку, а если появлялось несмываемое пятно – вещь отправлялась в мусорку. Оказалось, что «Светлый пар», как и многие подобные точки, был лишь приёмным пунктом. Всё чистили где-то на огромных промышленных машинах: по-

стельное бельё для хостелов, военную форму, дорогие костюмы, пуховики, ковры...

Сотрудницы в химчистке менялись каждые два дня. Неизвестно, по какому принципу их набирали, но почему-то об их звали Марина. Семён по натуре был не очень общительным, но одна из Марин привлекла его внимание. Она казалась... необычной.

Однажды, выглянув в окно магазина, он увидел, как та самая Марина – высокая, с длинными курчавыми волосами, – катала в руках свечу. Большую, зелёную, с рельефным рисунком, напоминающим пчелиные соты, и что-то шептала ей. Серьёзно, вполголоса, как будто делилась секретом.

«Какая же эксцентричная», – подумал Семён. Неужели она сейчас зажжёт эту свечу прямо в химчистке? А вдруг что-нибудь загорится, сработает пожарная сигнализация, приедет МЧС... Он представил, как всё это снимут на телефон, выложат в местный паблик, и в кадр попадёт вывеска «Белый журавль». Отличная реклама, да. Заголовки: «Возле магазина элитного чая предотвращён пожар! Спасатели потушили пуховик, никто не пострадал!»

От этой нелепой картинки Семён вдруг фыркнул, а потом и вовсе рассмеялся в голос. Хорошо, что в магазине никого не было.

Хозяин «Белого журавля» как-то обмолвился, что к зарплате будет прибавлен процент от продаж. Семён сразу смекнул: нужно увеличивать оборот. Магазин работал всего ме-

сая, рекламы на окнах явно не хватало. Почему бы не заняться продвижением в интернете? Он же программист. Хозяин, немного подумав, согласился. Посчитали финансовую сторону, и Семён с энтузиазмом взялся за создание электронной витрины. Выгружал фотографии чая, писал описания, настраивал доставку.

Но странная свеча не выходила у него из головы. Марина что-то шептала. Крутила свечу в руках, согревала её теплом ладоней и дыханием. Что она ей говорила? Зачем?

Семён думал об этом несколько дней, перебирая версии. Самая первая, что пришла в голову: колдовство. Ну, или что-то эзотерическое. Потом он решил, что, возможно, у Марины был в ухе наушник, и она просто разговаривала по телефону, машинально перебирая свечу. И наконец – самая простая: Марина просто была странной. И разговаривала со свечой. Почему бы и нет?

Людам свойственно искать рациональные объяснения. Это защитный механизм. Потому что признать существование магии – значит признать, что мир устроен сложнее, чем мы думаем. А это страшно. И в то же время – невероятно заманчиво.

Их настоящее знакомство произошло из-за рольставни. Как-то утром Семён, открывая магазин, увидел, как Марина отчаянно пытается справиться с тяжёлой защитной решёткой «Светлого пара». Механизм заедал, и створки вдруг сорвались, грозя прищемить ей пальцы. Семён, не раздумывая,

бросился через аллею, успел подхватить рухнувшую ручку и кое-как зафиксировал конструкцию. Потом помог с временным ремонтом.

Марина, бледная от испуга, благодарила его и пыталась заплатить за помощь и новую деталь. Семён отказался, отмахнувшись:

– Пустяки. Один человек всегда должен помогать другому. В конце концов, только люди и могут помочь друг другу на этой планете.

Фраза вышла немного пафосной, но он в этот момент искренне так считал.

Марина посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. В её синих, как поздние сумерки, глазах мелькнуло что-то неуловимое – интерес, узнавание, может быть, даже предчувствие.

– Ты необычный парень, Семён, – тихо сказала она.

Он тогда не придавал значения её словам. Просто улыбнулся и пошёл обратно в магазин.

Каждый вечер, заваривая любимый пуэр, Семён смотрел в окно на освещённую витрину «Светлого пара». Жизнь потихоньку налаживалась. Своя квартира в Батайске, спокойная подработка в Ростове, время для программирования, рядом Варя с её вечными шутками про прошлые жизни. Всё шло своим чередом.

Он ещё не знал, что странности, которые он начал замечать, – лишь верхушка айсберга. Что за обыденностью скры-

вається мир, о котором он читал только в сказках. И что сказки эти... возможно, вовсе не сказки.

Глава 2. Чайные листья

Подруга Семёна Варя работала терапевтом в одной из клиник Ростова. Казалось бы, будущий врач, человек науки, должен мыслить сухими фактами. Но Варя была уверена: именно врачи, особенно те, кто каждый день заглядывает на грань между жизнью и смертью, понимают, что человек не всесилен. Что есть что-то сильнее и мудрее нас. «Хороший хирург не просто руки золотые, – говорила она. – Он должен слушать: пациента, обстоятельства, тишину в операционной. Это что-то всегда помогает, вселенная постоянно разговаривает с нами. Просто надо понимать её язык». И она изучала этот язык во всём: в числах на билете, в повторяющихся снах, в случайных фразах прохожих и, конечно, в городских легендах. Когда Семён дразнил её «ходячим гороскопом», Варя всегда парировала: «Ты просто не смотришь по сторонам, Сень. Ты ещё убедишься. Даже твой код – он ведь тоже иногда выдаёт магические совпадения, баги, которые ведут к гениальному решению? Вот и всё». Просто нужно научиться слушать.

Семён обычно отвечал, что Вселенная общается пакетами данных по защищённым протоколам, и любые «знаки» – не более чем совпадения, объяснимые теорией вероятности.

Их диалоги были как игра в пинг-понг: её партии, воздуш-

ные и витиеватые, парили над сеткой; его удары были резкими, приземлёнными, направленными строго в логический угол.

Шли дни, работа нравилась Семёну, между продажами он корпел над созданием электронной платформы для продажи и популяризации чая, сложным маркетплейсом со встроенным блогом о чайных традициях. Мир чайных церемоний и мир PHP-скриптов, SEO-оптимизации и интерфейсной вёрстки существовали в нём параллельно, почти не пересекаясь.

Пока не появился Он.

Клиента Семён прозвал «Господином Пуэр». Мужчина лет пятидесяти, с лицом, похожим на старую, добрую карту, с множеством спокойных морщин вокруг глаз. Он приходил каждую среду ровно в семь, покупал одну и ту же прессованную лепёшку выдержанного пуэра, клал на прилавок точную сумму без сдачи и, прежде чем уйти, спрашивал: «Как сегодня Небо?»

Первый раз Семён, озадаченно глянув в окно на кроны парковых лип, пробормотал: «Пасмурно». И в тот день не продал ничего, кроме того пуэра.

Во вторник, накануне следующего визита, Варя, уплетая роллы в суши-баре, сказала: «Сень, ты должен благодарить стихии. Хоть мысленно. Это же основы». Он фыркнул.

В среду «Господин Пуэр» снова спросил: «Как сегодня Небо?». Семён, просто чтобы закрыть тему, сказал: «Сол-

нечно. Ясное». И странное дело – в тот день в магазин зашло рекордное число покупателей, а старый любитель китайского чая дядя Чан, обычно скупой на похвалу, одобрительно кивнул ему после удачной продажи дорогого те гуань иня.

Так продолжалось неделю за неделей. Ответ Семёна на вопрос гостя стал своеобразным прогнозом не на погоду, а на удачливость смены. «Ветрено» – приходили странные, нервные клиенты, сделки срывались. «Тихий вечер» – всё текло плавно, как мёд. Он начал вести статистику в заметках на телефоне, рядом с фрагментами кода для своего будущего чайного сайта. Корреляция была пугающей.

«Это просто самовнушение и эффект наблюдателя», – твердил он себе, переводя взгляд с экрана на уютное здание «Светлого пара», тонувшее в зелени.

Он часто смотрел на Марину, погружённый в свои мысли, сквозь две витрины и зелёную полосу парка. Она была загадкой. Не той картинной ведуньей из сказок Вари – не в платке, не с горящими глазами. Обычная женщина за пятьдесят, стройная, с осанкой, какой нечасто встретишь. Её движения были плавными, но точными, а лицо – спокойным, с тонкими чертами и внимательными, необычайно яркими глазами. Они казались тёмными издали, но когда свет падал под определённым углом, Семён различал в них не голубой, а глубокий синий оттенок, как у поздних сумерек. Но странными были не глаза, а то, как она смотрела – будто видела не просто витрину или чашку, а что-то сквозь них.

Её действия во время редких пауз в работе казались Семёну странно ритуальными. Она могла поправить вешалку с пальто, едва заметно коснувшись плеча манекена кончиками пальцев – лёгкое, почти невесомое движение. Или, оставаясь одна в зале, тихо шептала, глядя на мерцающую лампу дневного света, как на живую свечу. Как-то раз он заметил у неё на столе расклад карт Таро, а потом увидел, как она раскладывает их перед экраном включённого видеочата, явно что-то объясняя невидимому собеседнику по ту сторону экрана.

А ещё она каждый день, ровно в десять утра и в пять вечера, выходила на крыльцо «Светлого пара» с пакетиком крупы. В парке напротив всегда толпились птицы: шустрые воробьи, важные голуби, юркие синицы. Марина не просто рассыпала крупу. Она делала это медленно, почти медитативно, двигаясь по определённому маршруту: от скамейки к старому клёну, от клёна к фонарному столбу. Птицы слетались не сразу, а будто выжидая своей очереди, образуя вокруг неё живой, щебечущий круг. Она не улыбалась, но лицо её становилось удивительно мягким, а губы иногда шевелились, словно она здоровалась с каждой стаей или произносила тихое заклинание на удачу. Для Семёна, выросшего на «если покормишь голубей – на тебя нагадят», это выглядело чем-то древним и не от мира сего, настоящим городским шаманством. Он решил, что она из тех чудаков, что медитируют на трамвайных остановках и верят в силу кристаллов, но в глубине души его завораживала эта тихая, упорядоченная

странность.

Однажды день выдался особенно паршивым. «Господин Пуэр» не пришёл (нарушил традицию!), Семён накосячил с заказом, получил выговор от владельца, а вечером обнаружил фатальную ошибку в архитектуре своего интернет-магазина. Он сидел на стуле у прилавка, сжимая виски, чувствуя, как рациональный мир даёт трещину, как пазл, в котором внезапно не хватает ключевых деталей.

Дверь магазина звякнула. Вошла Марина. Не в своей обычной рабочей форме, а в простом синем платье. Она купила небольшую пачку зелёного чая «Молочный Улун», без лишних слов. Получая сдачу, она вдруг внимательно посмотрела на Семёна. Взгляд у неё был не острый, а мягкий, поглощающий, как лесная тень в парке напротив.

«Ты сегодня похож на чашку, в которой три дня заваривали один и тот же лист. Горько и мутно», – сказала она просто.

Семён обычно отмахнулся бы, включил режим циника. Но сегодня что-то сломалось. Вместо привычного «всё в порядке» он вдруг выдохнул:

– А что делать, если не просто горько, а вообще сил нет? Если чувствуешь себя как выжатый лимон, и даже код не пишется? – Он сам удивился своей откровенности. – Посоветуйте что-нибудь. Пожалуйста.

Марина замерла на мгновение, будто прислушиваясь не к нему, а к чему-то за его спиной. Потом едва заметно кивнула – не ему, а себе.

– Хорошо, что спросил, – тихо сказала она. – Это первый шаг.

Она покивала, развернулась и ушла, не сказав больше ни слова. Семён почувствовал себя глупо: вывалил на постороннего человека свои проблемы, а она даже не ответила. Ну вот, теперь ещё и это.

Через десять минут дверь снова звякнула. Марина вернулась и поставила перед ним на прилавок маленький льняной мешочек, завязанный на бечёвку.

– Это не из твоего ассортимента. Это для тебя. Заваришь один раз, когда останешься один. Не больше щепотки. Чай для ясности.

Она улыбнулась и вышла прежде, чем он успел отказаться или спросить, как он называется.

Вечером, в своей студии-«каморке» с видом на парковку во дворе, он всё же заварил этот чай. Аромат был не чайный – травянистый, с горчинкой и лёгкой сладостью чего-то незнакомого, будто крапиву с лопухом пожевал. Он выпил маленькую чашку. Эффекта просветления не случилось. Небо не разверзлось. Но странное спокойствие, холодное и чистое, как родниковая вода, разлилось внутри. Мысли, которые перед этим метались, как перепуганные мыши, вдруг успокоились и выстроились в чёткий, логичный ряд. Ошибка в коде, которую он искал часами, внезапно стала очевидной – он увидел её, просто закрыв глаза. Это было похоже на то, как после долгой борьбы с багами интерфейса вдруг

находишь изящное и простое решение.

Он сел за компьютер и за несколько часов исправил то, что не мог сделать неделю. Лёгкость была головокружительной. Скрипты будущего чайного магазина, которые ещё утром казались бессмысленной грудой символов, теперь выстраивались в отлаженный механизм.

А на следующее утро, выходя на работу через парк, он увидел «Господина Пуэра». Только не в магазине. Мужчина сидел на скамейке у входа в «Светлый пар», попивая что-то из термоса. Рядом, вынося на крыльцо коробку, была Марина. Они не разговаривали, просто существовали в одном пространстве утреннего парка. И когда мужчина повернулся, их взгляды на секунду встретились. И в глазах «Господина Пуэра» Семён увидел не просто узнавание постоянного продавца. Он увидел тихое, безмолвное одобрение. Как будто он наконец-то сделал правильный ход в игре, правил которой не знал.

В тот день, когда «Господин Пуэр» снова спросил: «Как сегодня Небо?», Семён, глядя ему прямо в глаза, ответил:

– Ясное. Абсолютно ясное.

И в его голосе не было ни снисходительности, ни игры. Была только констатация факта, нового, необъяснимого, но неоспоримого. Как та самая строка кода, которая, наконец, заставила работать всю программу. А в голове, совершенно некстати, всплыли слова из описания товара для его сайта: «Пуэр выдержанный. Проясняет ум, очищает взгляд». Он

резко кашлянул, чтобы заглушить нелепый смешок. Но что-то внутри уже сдвинулось с мёртвой точки.

Глава 3. Забор из камней

Сон пришёл не как туманное воспоминание, а как яркая вспышка, втянувшая его с головой.

Он стоял в тесной, пропахшей дымом и металлом мастерской. Сквозь маленькое зарешечённое окно лился скупой свет, выхватывая из полумрака наковальню, горны и ряды инструментов, чьи названия он знал, не зная. Его руки, покрытые старыми ожогами и шрамами, работали уверенно: левый держал клещами раскалённую докрасна полосу стали, правой он точными ударами молота начинал формировать клинок. Но это была не единственная его работа. На краю дубового стола, рядом с болванками для гард, лежали необработанные камни – агат, яшма, обсидиан – и несколько тонких серебряных проволок. Он был не просто кузнецом. Он был мастером, балансирующим на тонкой грани. Для городской стражи и окрестных баронов он ковал крепкие, надёжные мечи. А для тех, кто стучался в дверь ночью и говорил шёпотом, он оправлял камни в серебро, наносил на металл едва заметные вихревые насечки и шептал слова, значение которых забыл, проснувшись, но сила которых отзывалась в костях. Он был звеном между цехом алхимиков, требовавших точности, и гильдией магов, чьи запросы были туманны и опасны. Его мастерская была нейтральной территорией, а

его честность – валютой, которую принимали все. Во сне он чувствовал глубокое, спокойное удовлетворение от этой роли, от этого баланса.

А ещё была девушка. Она вошла без стука, бесшумно, как тень. В руках держала свёрток из грубой мешковины. Поставила на край стола, развязала узел. Внутри лежали два камня – необычные, не похожие на те, что он обрабатывал обычно. Один тёмно-синий, почти чёрный, с золотыми прожилками, пульсирующими внутренним светом. Второй – мутно-белый, матовый, но от него исходило тепло, сухое и плотное, как летний ветер в степи. Девушка ничего не сказала. Он попытался поднять глаза, рассмотреть её лицо, но оно оставалось размытым, ускользающим, будто сотканным из утреннего тумана над рекой. Он только почувствовал её взгляд – тяжёлый, вопрошающий, доверяющий. И понял: эти камни – не просто заказ. Это испытание. Или ключ.

Семён проснулся с резким вздохом, как будто вынырнул из ледяной воды. Сердце стучало о рёбра. В комнате пахло пылью и остывшим чаем с прошлого вечера. Но в груди оставалось стойкое, почти физическое чувство – глубокая, пронзительная тоска по чему-то безвозвратно утерянному. И вместе с ней – кристально ясное, холодное понимание: всё это было. Не аллегория, не фантазия. Он помнил вес того молота, вкус металлической пыли на губах, узор трещин на глиняном полу. И эти камни. И ту, что их принесла.

За чашкой утреннего кофе он, всё ещё под впечатлением,

рассказал сон Варю по телефону.

– Сеня, да ты что?! – её голос взвизгнул от восторга. – Это же не просто сон! Это память! Прямой контакт с прошлым опытом души!

– Варь, ну перестань, – пробурчал он, но уже без прежней уверенности. Тоска давила на солнечное сплетение, не давая отмахнуться.

– А ты знал, что сегодня необычный день? – продолжала она, не обращая внимания на его ворчание. – В северном полушарии с 20 на 21 июня – летнее солнцестояние! Самый длинный день, пик силы солнца. Это же важнейший день в любых традициях! В такие дни, говорят, рождаются белые маги. Человек, рождённый на солнцестояние, наделён огромным запасом светлой энергии.

– Какие маги? Ну что ты говоришь, Варя, – Семён поёрзал на стуле. Колдуны, ведьмы – всё это казалось ему плодом воспалённого воображения или удачным маркетингом для таких же мечтателей, как Варя.

– А ты разве не помнишь? – её голос стал настойчивым, сосредоточенным, как во время разбора сложной темы по анатомии. – Вот, вспомни детали. Забор-изгородь из камней, сухая кладка. Вспомни свою одежду – ткань, запах, тяжесть. Вспомни место вокруг, что ты видел за дверью мастерской?

Он замер. В сознании всплыл образ: низкая каменная ограда, сложенная без раствора, огораживающая клочок земли с чахлыми травами. Грубая рубаха из небелёного льна,

пахнущая потом и дымом. И за дверью – не городская площадь, а узкая, мощёная булыжником улочка, сходящая под уклон к реке, над которой висели тяжёлые туманы.

– Камни... были, – неохотно признался он.

– Вот видишь! – торжествовала Варя. Она часто говорила о том, что помнит отрывки других жизней, и всегда со смехом. «Помню, как идём мы с Хансом по мостовой...» – «С кем?» – спрашивал Семён. – «С Хансом! – заливалась она. – Это мой знакомый немец, но ты его не знаешь, это было ещё до войны...» И так постоянно: то она скакала по полям на лошади, то покупала амулет в виде совы на шумном восточном базаре, то переходила по льду огромное озеро. А иногда вдруг говорила: «О, я такого не помню, я в то время не жила. Там монголы воевали с китайцами, но меня тогда ещё не было» – и снова смеялась. Семён никогда не мог понять, шутит она или говорит всерьёз. Но сейчас, с этой гнетущей тоской внутри, её слова звучали иначе.

Он положил трубку и ещё несколько секунд смотрел на потухший экран, прежде чем решиться встать из-за стола. Голос Вары всё ещё звучал в ушах – звонкий, задорный, но в нём уже не было той детской беззаботности, что когда-то. Семён вдруг остро осознал: она изменилась. Не вчера и не сегодня – постепенно, незаметно, пока он был занят своими алгоритмами и строками кода. Вместо вечно смеющейся «мелкой» с третьего этажа, которую он дразнил в школьные годы, теперь была женщина. Серьёзная, умеющая слушать, с

глазами, в которых иногда мелькала такая глубина, что ему становилось не по себе.

– Варя была... другой, – тихо сказал он в пустоту кухни.
– Но почему я замечаю это только сейчас?

Он попытался представить её лицо, и оно всплыло перед глазами с пугающей чёткостью: лёгкая улыбка, светлые волосы, собранные в пучок, открывающий тонкую шею. Когда она успела стать такой? Когда смех перестал быть просто смехом, а в голосе появилась та особая, врачебная стать? Детское время ушло безвозвратно. И он, программист, привыкший всё просчитывать, пропустил этот апдейт системы. В груди шевельнулось что-то незнакомое, смутное, не поддающееся алгоритмизации.

Он помотал головой, отгоняя наваждение, и решительно взялся за куртку. Пора на работу.

Он шёл на работу через парк, и мир вокруг казался подёрнутым плёнкой сна. Краски были ярче, звуки – чётче. Даже воздух пах не просто зеленью, а конкретными травами, чьи названия вертелись на языке, но не всплывали.

В обед, как обычно, он вышел на улицу с чашкой любимого Шен пуэра. Окна «Белого Журавля» были оформлены с широкими подоконниками-стойками, возле которых стояли высокие стулья – чтобы покупатель мог тут же насладиться покупкой. Семён любил это место.

На крыльцо «Светлого Пара» вышла Марина. Она покормила птиц, выполнив свой утренний ритуал, и теперь, встре-

тив его взгляд, медленно подошла.

– Понравился ли тебе мой вчерашний подарок? – спросила она просто, без предисловий.

Её прямой взгляд не позволял отшутиться или соврать. Семён кивнул.

– Да. И... мне после него странный сон снился.

Он вкратце описал его. Марина слушала, не перебивая, её синие глаза были прикованы к его лицу, будто читали не слова, а что-то за ними.

Когда он закончил, она долго молчала. Но молчание это было не пустым – оно звенело. Марина смотрела на Семёна так, будто видела его впервые. Будто за знакомыми чертами проступило что-то иное, давно забытое и вдруг узнанное. В её глазах мелькнуло удивление – тихое, глубокое, почти благоговейное. Она смотрела на него по-новому: не как на соседа по работе, не как на молодого человека, которому можно дать совет, а как на того, кого она, возможно, знала. Или помнила. Так смотрят на старую фотографию, где вдруг узнаёшь человека, которого считал чужим.

– Ты проснулся. Но время сейчас... беспокойное. Готовься выбирать.

– К чему? Что выбирать? – вырвалось у Семёна.

Но Марина лишь покачала головой, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на грусть или предостережение.

– Увидишь.

Она развернулась и ушла в химчистку, оставив его наеди-

не с нарастающей тревогой и вопросами, которые жгли изнутри. «Выбирать». Между чем и чем?

Вечером, незадолго до закрытия, он стал свидетелем того, что навсегда стёрло последние следы его скепсиса.

У лотерейного ларька, что стоял в конце аллеи, молодая девушка купила пачку мгновенных билетов. Она уже начала их скрести монеткой, когда мимо, виляя, прошёл знакомый силуэт – «Господин Пуэр». Он шёл, не глядя по сторонам, будто погружённый в свои мысли, и в самый последний момент «нечаянно» задел девушку плечом.

– Ой, простите!

Пачка билетов выскользнула у неё из рук и рассыпалась по плитке. Мужчина тут же, с подобострастной улыбкой, бросился помогать собирать.

– Вот, берите, какая неловкость...

Но Семён, застывший у окна, увидел то, что не должна была увидеть девушка. Когда мужчина поднимал один из билетов, тот самый, что она только начала скрести, его большой палец на долю секунды замер на царапаемом поле. Он не скрёб его, а просто прикоснулся и что-то едва слышно прошептал, губы его дрогнули. В глазах на мгновение вспыхнул холодный, сосредоточенный блеск. Затем он вежливо вручил все билеты девушке и отошёл в сторонку, к ларьку.

Девушка продолжила скрести. Билет за билетом. Пусто. Пусто. Пусто. Разочарованно вздохнув, она скомкала их и бросила в урну.

«Господин Пуэр» тем временем купил у продавца единственный билет. Один. Подошёл к краю тротуара, медленно, почти небрежно провёл монеткой. И замер. Затем спокойно вернулся к ларьку, протянул билет продавцу. Тот проверил номер, и глаза его полезли на лоб – сумма выигрыша была крупной, очень крупной. Отсчитав деньги, продавец протянул их мужчине трясущимися руками.

И тут «Господин Пуэр» позволил себе то, чего никогда не позволял раньше. Он улыбнулся. Не той вежливой, маской улыбкой, которой одаривал продавцов и случайных прохожих. Это была насмешливая, кривая усмешка, предназначенная кому-то невидимому. Или самому себе. В ней читалось торжество, презрение и холодное знание. На долю секунды его взгляд скользнул в сторону витрины «Белого Журавля», туда, где стоял Семён. Будто он знал, что за ним наблюдают. Будто это было частью спектакля.

Затем он сунул деньги в карман, развернулся и пошёл прочь, к выходу из парка, спокойный и невозмутимый. Продавец ларька что-то крикнул ему вдогонку, но мужчина лишь махнул рукой, не оборачиваясь.

Магия есть. Она не была яркой, как в фильмах. Она была тихой, подлой и вороватой. Она крадала удачу, как карманник кошелёк. И использовала её. И тот, кто это делал, наслаждался своей властью.

Семён стоял, прислонившись лбом к прохладному стеклу витрины. Внутри всё оборвалось. Рациональные объяснения

– совпадение, ловкость рук, гипноз – рассыпались в прах перед лицом того, что он только что увидел и понял на уровне, глубже сознания.

Силы действительно существовали. Ими пользовались. «Господин Пуэр» не спрашивал про Небо из праздного любопытства. Он забирал что-то у дня, у пространства, у людей. А Марина... Марина говорила с птицами и давала чай для ясности. Балансировала. Как тот ремесленник во сне.

«Готовься выбирать», – эхом прозвучали в памяти её слова.

Холодная волна прокатилась по спине. Он понял, что уже делает этот выбор. Просто наблюдая. И этого, как он смутно чувствовал, скоро станет недостаточно.

Глава 4. Программирование реальности

Под влиянием навязчивых снов, разговоров с восторженной Варей и загадочными полунамёками Марины, Семён начал читать. Это было не просто чтение. Это было исследование. Он погрузился не только в фэнтези, но и в серьёзные труды – по истории религии, антропологии, философии сознания, психологии Юнга об архетипах и коллективном бессознательном, в трактаты по алхимии и гримуары, переведённые на русский. Он искал паттерны, алгоритмы, скрытые за мифами. Его программистский ум требовал систематизации.

И он их находил. Повторяющиеся символы. Универсаль-

ные сюжеты о герое, спускающемся в подземелье за знанием. Идеи о том, что намерение, концентрация и слово могут влиять на материю. Для него это всё больше походило не на сказки, а на... другой язык. Древний, интуитивный, но оттого не менее точный язык программирования реальности. Если код – это слова и символы, меняющие виртуальное пространство, то почему заклинание, мантра или осознанное намерение не могут быть операторами, влияющими на пространство физическое?

Однажды вечером, стоя под горячим душем и размышляя о символизме алхимических иллюстраций, он вдруг увидел. Не глазами, а каким-то внутренним зрением, которое проецировало образ прямо на мокрую кафельную плитку. Чёткий силуэт человека в длинном, ниспадающем складками одеянии, с капюшоном, откиннутым назад. Это была не средневековая ряса, а что-то более древнее, напоминающее римскую тунику или даже эллинистический гиматий. Фигура была статичной, но в её позе чувствовалась огромная сосредоточенность. Он резко протёр стекло двери и плитку рукой. Образ исчез. Но впечатление от него осталось – жутковатое и магнетическое. Он смотрел на этот кафель каждый день и никогда не видел ничего, кроме бежевых квадратов с кракозябрами разводов от воды.

На следующий день погода была отвратительной. Холодный ливень хлестал по окнам «Белого Журавля», превращая улицу в размытое зелёно-серое пятно. Клиентов не было во-

все. Семён, закончив с мелкой работой по сайту, снова ушёл в чтение. На этот раз – в паблики и форумы, где современные энтузиасты обсуждали практики ведунов и знахарей. Там не было прямых рецептов «как стать магом». Скорее, философские рассуждения: что в древности шептали на траву не просто так; что сама трава обладает силой, но слово, намерение, определённый звук могут эту силу активировать и направить.

«Звуковые вибрации, – записал он в свой цифровой блокнот рядом с фрагментом кода. – Активатор. Катализатор. Инструмент воздействия на скрытые переменные среды («энергии» земли, воды, воздуха, огня). Заговор – функция, вызывающая изменение состояния объекта».

Это была безумная аналогия. И оттого невероятно притягательная. Ему захотелось проверить. Не всерьёз, конечно. Так, мысленный эксперимент.

Он заварил себе чашку пуэра, поставил её на прилавок. В магазине было тихо, слышен только шум дождя. Он сосредоточился на ощущении пустой тишины, на низком дневном чеке. А затем чётко, почти по-деловому, глядя на пар, поднимающийся от тёмной жидкости, произнёс:

– Мне нужен покупатель. Приди и купи товар на большую сумму. Чтобы сегодняшняя выручка стала полноценной.

Он чувствовал себя идиотом. Широкая улыбка расплзлась по его лицу. «Ну вот, Семён, допрыгался. Теперь не только сны снятся, но и с чайниками разговариваешь». Он

быстро выпил чай, как бы «запивая» своё глупое колдовство, с удовлетворением отметив полную абсурдность ситуации, и переключился на работу. Нужно было выгрузить фотографии нового поступления – чая «Би Ло Чунь» – и написать для него поэтичное, продающее описание. Он погрузился в подбор эпитетов: «нежный, цветочный аромат, напоминающий о весеннем саде...»

Время пролетело незаметно. До закрытия оставалось минут двадцать, когда над дверью жалобно звякнул колокольчик. Семён поднял голову, удивлённый. В такую погоду?

– Здравствуйте, – автоматически сказал он.

На пороге стояла девушка. Её фигура была закутана в полупрозрачный плащ-дождевик из плёнки, продающийся в соседнем ларьке за копейки. На голове был капюшон, из-под которого выбивались тёмные пряди влажных волос. И в этот момент Семён почувствовал, как по спине пробежал холодный разряд. Этот силуэт... Эту застывшую, собранную позу... Он видел её вчера. На кафеле в ванной.

Он замер, сглотнув комок в горле.

– Здравствуйте, – повторил он, заставляя себя действовать. – Что я могу вам предложить?

Девушка деловито скинула капюшон, стряхнула капли. Лицо у неё было приятное, умное, без следов мистической озабоченности. Она прошла к полкам, где лежали прессованные «блины» пуэра.

– Мне нужен подарок, – сказала она, внимательно изучая

этикетки. – Я приехала в гости и только сейчас спохватилась, что не купила ничего. Нужно что-то дорогое и интересное. Знаю, что мужчина в этой семье – большой ценитель китайского чая, любит чайные церемонии. Что посоветуете?

Семён, с трудом оторвав внутренний взгляд от совпадения силуэтов, перешёл в профессиональный режим.

– Для неспешной беседы в хорошей компании отлично подойдёт выдержанный Шен Пуэр. Он расслабляет, проясняет мысли, настраивает на долгий разговор.

Она выбрала несколько «блинов» разного веса, кивая его пояснениям. А потом её взгляд упал на полку с посудой.

– А это что?

– Это гайвань, – оживился Семён, чувствуя себя на более твёрдой почве. – Чашка с крышкой и блюдцем. В ней и заваривают, и пьют. Основа классической церемонии. – Он взял фарфоровую гайвань с нежным рисунком и показал, как её держать.

Девушка загорелась.

– Идеально! Это же целый набор можно сделать! У вас есть всё необходимое?

В итоге она купила не только дорогой пуэр, но и набор из гайвани, шести маленьких пиал и чабань – изящную чайную доску из бамбука с желобками для слива воды. Она щедро заплатила, поблагодарила за помощь и исчезла в вечернем ливне, унося с собой огромный, красиво упакованный пакет.

Семён остался стоять посреди тихого магазина. Он мед-

ленно подошёл к кассе, пробил чек, взглянул на итоговую сумму за день. И обомлел. Продажа этой девушкой не просто покрыла скромную дневную выручку – она удвоила её. Чек был закрыт с огромным плюсом. Точь-в-точь, как он... «заказал».

«Не может быть, – упрямо твердил он себе. – Случайность. Удачное стечение обстоятельств. Она просто состоятельная женщина, которая искала хороший подарок».

Но образ на кафеле. Этот чёткий, неспроста возникший силуэт, материализовавшийся в ливень в виде девушки в дождевике. Паттерн. Слишком чёткий паттерн, чтобы быть просто игрой воображения. Его рациональный ум, тот самый, что искал алгоритмы, кричал о корреляции. Причина – наговор над чаем. Следствие – приход покупателя с большой суммой. Связующее звено – визуальный символ, появившийся накануне.

Волшебство? Нет. Слишком громкое слово. Это было похоже на... на удачный запуск скрипта. Нажал правильную комбинацию клавиш – получил результат. Только клавишами были слово, намерение и, возможно, то самое «неспокойное время», о котором говорила Марина.

Он всю ночь носил в голове этот клубок вопросов. На следующий день, едва заведев, как Марина вышла покормить птиц, он почти выбежал из магазина, дождавшись, когда она закончит свой ритуал.

– Марина, можно вас спросить?

Она обернулась, в её синих глазах не было удивления, лишь тихое ожидание.

– Вчера... – он запнулся, не зная, с чего начать. – Я попробовал кое-что. Просто мысленно. И потом увидел... или мне показалось... и потом пришёл человек...

Он сбивчиво, опуская самые безумные детали, но всё же рассказал о своём «эксперименте» и его странном, материальном результате. И об образе на кафеле.

Марина слушала, глядя куда-то в сторону парка, где клевали крошки последние голуби. Когда он закончил, она повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Взгляд её был не просто внимательным – он был пронизывающим, словно она видела его насквозь, до самой глубины.

– Ты увидел магию.

– Как? – не понял он.

– Сила между тем, что было; тем, что есть; и тем, что может быть. Образ из твоих мыслей в настоящем и её воплощение в ближайшем будущем. Они иногда... проступают друг в друге, особенно когда ум настроен на их восприятие. Дождь, пустота, твоё сосредоточение – они создали тишину, в которой образ стал виден. А твои слова... они были не волшебством. Они были точным запросом. Ты отправил его в ту самую ткань. И получил ответ.

– Но это же... управление реальностью? – с надеждой и ужасом спросил Семён.

Марина мягко, почти по-матерински покачала головой.

– Нет. Это – разговор с ней. Ты попросил. И она ответила. Не всегда ответ будет таким прямым и быстрым. Иногда он придёт боком. Иногда тишиной. А иногда... – она посмотрела на него с лёгкой печалью, – тем, о чём ты не просил, но что тебе необходимо.

Она помолчала, и вдруг её лицо изменилось – стало строже, торжественнее.

– Слушай меня внимательно, Семён. То, что происходит с тобой, – не случайность. Ты явно обладаешь магией. В тебе есть волшебство, настоящая сила. Я видела таких раньше, очень редко. Твой дар пробуждается, и это уже не остановить. Но сила требует развития, иначе она начнёт работать против тебя. Ты должен учиться, должен понимать, что делаешь. Каждое твоё слово, каждая мысль теперь будет иметь вес. Помни: за всё есть цена. Даже за простой разговор.

Она повернулась и ушла в «Светлый пар», оставив Семёна стоять под начинающим накрапывать дождём. В руках у него не было ни молота, ни серебряной проволоки. Но в груди, там, где раньше была тоска по забытому ремеслу, теперь рождалось новое, щемящее и тревожное знание. Он больше не был просто наблюдателем. Он стал участником. И игра, как предупреждала Марина, была гораздо серьёзнее, чем он мог предположить. Сила, о которой она говорила, теперь жила в нём – и требовала выхода.

Отношения Семёна с Мариной перестали быть случайными соседскими. Теперь это было тихое, взаимное исследование границ реальности. Его вопросы становились глубже, её ответы – чуть более развёрнутыми, хотя она по-прежнему оставляла пространство для его собственных выводов.

Как-то раз, увидев, как она снова что-то нашептывает свече перед тем, как упаковать её в коробку, он не выдержал:

– Марина, а чем вы вообще занимаетесь? Со свечами, я имею в виду.

Она не отвлеклась от работы, её пальцы ласково скользили по восковой поверхности. – Я их отливаю. Из воска. И наговариваю – в зависимости от того, что хочет клиент.

– Клиент? – Семён удивлённо приподнял брови. – У вас есть клиенты?

– Да, – она кивнула, наклеивая этикетку. – Я веду блог. Там множество людей.

– А что вы там... выставляете? – он подбирал слова, чувствуя себя неловко от своего неведения.

– Я даю расклад карт Таро на каждый день для всех подписчиков, – спокойно объяснила она. – Могу сделать персональный расклад на конкретного человека или ситуацию. Люди пишут, спрашивают у карт, как поступить, как разрешится вопрос. Я рассказываю, какие действия можно совершить, чтобы очистить пространство от негатива, как создать защиту перед важным событием – судом, например, или переговорами. Как призвать удачу для заключения сделки.

– Ого, – вырвалось у Семёна. – Так это... какие-то ритуалы?

– Можно назвать их и так, – она наконец посмотрела на него, в её глазах светилась усмешка. – Это определённый комплекс действий. И слов.

Прямота вопроса висела в воздухе, и он задал его, почти не думая: – Так вы... ведьма?

Марина рассмеялась. Звонко, искренне, сбрасывая с себя весь налёт таинственности. – Да. Так и есть. Боишься меня теперь?

– Ну, – Семён тоже заулыбался, ощущая, как напряжение тает. – До этого времени не боялся.

На следующий день Марина не пришла на работу. Смена была не её. И ещё целый день. Эти два дня ожидания стали для Семёна пыткой. В его голове кипели вопросы, теория, жажда продолжения разговора. Он ловил себя на том, что смотрит на дверь «Светлого Пара» с таким нетерпением, с каким раньше ждал только сборки сложного программного модуля.

Когда она наконец появилась, он едва дождался, пока она откроет ставни.

– Со свечами, – почти сразу начал он, – вы говорили, наговариваете их на «то или иное». А что такое это «то или иное»?

Она, казалось, была готова к вопросам.

– Некоторым нужны свечи, чтобы очистить дом от старой,

тяжёлой энергии. Кто-то просит на здоровье – своё или близких. Любовные свечи популярны.

– Любовные свечи? – он не смог скрыть лёгкого скепсиса.

– Да. Люди хотят привлечь любовь, создать семью, восстановить отношения. Кому-то нужны деньги, достаток – я наговариваю соответствующие слова, закладываю определённые травы в воск.

– И как вы узнали, что именно нужно говорить? Откуда... инструкция?

– Есть книги. Много книг. Но главное – есть учитель. У меня он есть. – В её голосе прозвучала нота тепла. – Как-нибудь расскажу подробнее, если захочешь.

Семён засыпал её вопросами ещё долго. Структурными, аналитичными, как если бы он изучал новый язык программирования. «А если изменить порядок слов?», «А какова роль интонации?», «Есть ли обратная связь, «логи» работы?». Марина отвечала спокойно и удивительно ясно. Она раскладывала сложные понятия по полочкам с такой лёгкостью, что он был очарован. Её мир, при всей своей мистичности, оказывался логичным и последовательным.

И его собственный ум тут же принялся его систематизировать. «Привороты, наговоры, порчи» – это, мысленно поморщившись, он отнёс в каталог «Запрещённые/Чёрные/Рискованные скрипты». «Заговоры на очищение, защиту, удачу» – «Полезные утилиты». «Амулеты, талисманы» – «Внешние носители/Инструменты». «Молитвы, медитации» – «Си-

темные процессы/Очистка кэша и повышение производительности». Эта внутренняя каталогизация успокаивала, делала необъятное – обозримым.

Через несколько дней он задал один из главных вопросов: – Почему одни могут сделать амулет, и он работает, а другие – нет, даже если всё сделают в точности по рецепту?

Марина, протирая стойку, задумалась.

– В каждом человеке есть сила. Но она – разная. Как голос или отпечатки пальцев. Кому-то суждено быть... скажем так, оператором этой силы. А кому-то это строго не дано, их путь – в другом. Есть те, кто только начинает, они неумелые, лезут в темы, которые им ещё рано постигать, и наносят вред себе или другим. А есть те, кто силу в себе чувствует, но боится или подавляет её. От этого часто болеют душой и телом. А кто-то... – она посмотрела на него, – видит её проявления, но упорно делает вид, что не замечает. Потому что страшно, или потому что рушится удобная картина мира.

– Я бы хотел замечать, – вдруг, к собственному удивлению, сказал Семён. Фраза вышла смущённой, но искренней.

Марина улыбнулась, и в её улыбке была доброта.

– Ты мне нравишься, Семён. Хочешь, покажу тебе, как просто почувствовать энергию? Несколько базовых практик.

– Это... опасно? – насторожился он. – Это что-то... ведьминское?

Она снова рассмеялась. – Нет, конечно. Это медитация. Садись удобно, сосредоточься на дыхании. Закрой глаза и

попробуй просто ощутить всё вокруг: где ты, что слышишь, что чувствуешь кожей. Постарайся отпустить поток мыслей, не гони их, а просто пропускай, как облака, возвращая внимание к дыханию. Можешь зажечь свечу и смотреть на пламя. Это помогает успокоить ум, войти в пространство тишины, в другую... частоту.

Весь оставшийся день Семён читал о медитации. Статьи, форумы, обрывочные советы. Он пришёл к выводу, что ничего явно опасного или «дьявольского» в этом нет – только психотехники, работа с вниманием. Вечером, после работы, он расстелил на полу коврик, с трудом скрестил ноги в подобие позы лотоса, как показывали на картинках, и принялся «прогонять мысли и принимать поток светлой энергии».

Результат был обескураживающим. Вместо тишины его атаковал настоящий шквал мыслей: о незавершённом коде, о птичьих крыльях, о списке покупок, о пикселях в экране телевизора, о том, как неудобно сидеть. Он промучился десять минут, встал и с одеревеневшими ногами и пошёл заваривать чай, чувствуя себя профаном.

«Главное – не сдаваться, – вспомнил он фразу из аудиоподкаста какого-то эзотерического паблика. – Просветление с первого раза не случается. Нужна регулярность».

Система. Ключевое слово. Он мысленно создал новую папку: «Практики». И записал в неё: «Концентрация. Дыхание. Системность». Стало понятнее.

Он практиковал два дня. По десять минут вечером. Это

было сложно, но уже не казалось бесполезной тратой времени. Это был вызов самому себе.

Как-то на работе, сидя за уличной стойкой с пустой пиалой, он разглядывал на дне причудливый узор из чаинок.

– Как интересно, – раздался рядом мягкий голос Марины.
– Можно?

Она протянула руку к пиале, но смотрела не в неё, а на него. Семён, удивлённый, кивнул:– Конечно.

Она улыбнулась: – Никогда не смотри чужую судьбу без спроса. Заглядывай только с разрешения. Это важно.

– А... понял, – сказал он, осознавая, что только что прошёл маленький, но значимый урок этики.

Марина взяла пиалу, покрутила её в руках, заглянула внутрь. – Отличная чашка. Светлая. Ты знаешь, что делаешь, это хорошо.

– Всё? – не удержался Семён. – Я думал, вы сейчас всю мою жизнь по чайнкам расскажете.

Марина рассмеялась:– Не относись к этому так серьёзно. Ты ни о чём не думал, ты просто сидел и пил чай. У тебя была спокойная, расслабленная энергия. Именно это я и увидела. Узор просто подтвердил.

– Вы умеете гадать?

– Нет. Я умею видеть и читать символы и знаки. А они есть везде.

– А почитать об этом что-то можно? Литература какая-то?

– Литературы – масса, – покачала головой Марина. – Но

ты не знаешь авторов, не чувствуешь, кому можно доверять. Лучше получать знания не обвалью, а по крупичкам, от проверенных людей. Шарлатанов полно. Не распыляйся.

Он думал о её словах весь вечер. И был с ней полностью согласен. В эпоху информационного шума важна была не широта охвата, а точность и глубина источника.

Вечером он снова сел в медитацию. На пятый день что-то начало меняться. Мысли ещё кружились, но уже не с такой бешеной скоростью, появлялись короткие промежутки просто... тишины. И в один из таких моментов, когда он просто наблюдал за темнотой под закрытыми веками, в голове вспыхнула картинка.

Не мысль. Именно картинка. Чёткая, как кадр из фильма. Белое поле. Абсолютно белое, без оттенков, без горизонта. И на этом фоне – конус идеальной формы, тоже белоснежный, уходящий вершиной в невидимое небо. Это была не гора. Это был вулкан. Но вулкан из снов или из другого измерения, где нет цвета, только чистая форма и свет. И вместе с образом в сознании сформировалась фраза, будто надиктованная извне: Белый мир.

Больше ничего. Картинка исчезла так же внезапно, как появилась. Последующие минуты медитации прошли в привычной борьбе с блуждающими мыслями. Но это уже не имело значения.

Семён открыл глаза в полумраке своей комнаты. Сердце билось ровно, но мощно. Он запомнил. Не столько сам образ,

сколько ощущение. Ощущение, что это видение пришло не от него. Оно было другим. Чужим, но в то же время глубоко своим, как воспоминание из того сна о кузнице. Это был не сон, не фантазия. Это был... вход. Первый чёткий сигнал из того самого «белого мира», о существовании которого он теперь не сомневался.

Он медленно поднялся с коврика, подошёл к окну. Внизу горели фонари, окрашивая асфальт в жёлтый. Обычный мир. Но теперь он знал – он лишь верхний, самый грубый слой. Под ним, а может, рядом с ним, существуют другие. И он, Семён, программист и продавец чая, только что получил первый, смутный, но неоспоримый пакет данных оттуда.

Глава 6. Подземный выбор

Информация, которую Марина раскрыла Семёну через несколько дней, была похожа на сценарий самой мрачной компьютерной игры. Только сохраниться и перезагрузиться здесь было нельзя.

Они разговаривали поздно вечером, после закрытия, сидя на скамейке в опустевшем парке. В её голосе не было ни страха, ни пафоса, лишь усталая серьёзность человека, слишком долго наблюдающего эту войну со стороны.

– Город, да и не только он – это поле, – начала она, глядя куда-то в темноту парка, где редкие фонари выхватывали силуэты голых веток. – И на этом поле сходятся две великие силы. Два сообщества магов. «Светочи» и «Пламя».

– Сообщества? – переспросил Семён.

– Ну, – Марина покачала головой. – Это люди. Одарённые. Те, в ком течёт магия. Представь себе две реки, но реки, по которым плывут те, кто выбрал свой путь. Одна течёт спокойно, глубоко, по идеально выверенному руслу. Это «Светочи». Их вода чиста и прозрачна, она несёт прохладу и ясность. Но она не терпит хаоса. Всё, что мешает течению, они либо огибают, либо превращают в часть своего русла. Другая река – «Пламя» – бурлит, кипит, сжигает берега. Её вода горяча, энергична, она несётся стремительно, смывая всё на своём пути, чтобы проложить новое, свободное русло.

Она повернулась к Семёну, и в её глазах отразился далёкий свет фонаря.

– Каждое из этих сообществ веками собирает под свои знамёна пробуждающихся. Обучает их, направляет, даёт силу и защиту. Им нужны новые маги. Новая кровь, новые возможности, новое влияние. Потому что каждый такой человек, вливающийся в реку, делает её мощнее, шире, сильнее.

– То есть я для них – просто... вода? – глухо спросил Семён.

– Не просто. Ты – живая вода. Та, что может изменить течение. И каждая река хочет, чтобы ты влился именно в неё. Они будут тянуть тебя, предлагать покровительство, обучение, защиту. Но выбирать придётся тебе. – Марина помолчала. – И цена этого выбора... она не в том, что они заберут. А в том, что ты сам отдашь, ступая на путь.

Семён молчал, переваривая. Метафора рек звучала в голове, обрастая плотью примеров.

– Расскажи, – попросил он. – Как это бывает? И какую цену платят те, кто соглашается?

Марина кивнула, будто ждала этого вопроса. Она откинулась на спинку скамейки, и в свете фонаря её лицо казалось высеченным из старого, мудрого камня.

– Было это лет двенадцать назад, – начала она тихо. – Один мужчина, Тимур, открыл свой бизнес. Строительство нежилых помещений – склады, офисы, ангары. Дело шло туго, конкуренция бешеная, тендеры уплывали к другим. А он был талантливый, энергичный, но ему не хватало той самой капли удачи, чтобы прорваться. И он пошёл за помощью к магу.

– К белому магу?

– Да. Попросил поддержки. Они провели обряд, подключили его к силе финансового успеха. И дальше всё потекло как по маслу. Он стал чаще выигрывать тендеры. Ему открывались самые лучшие, перспективные участки – ровные, удобные, чистые. А те конкуренты, что обходили его, потом оказывались в пролёте: то соседи засудят, то подземная река фундамент подмывает, то документы «горят». У него же всё складывалось само собой. Будто сама удача сидела у него на плече.

– Звучит как... мечта, – осторожно сказал Семён.

– Мечта? – Марина усмехнулась, но в усмешке этой не бы-

ло веселья. – А ты послушай дальше. Бизнес рос, денег становилось всё больше. Тимур работал как проклятый. Сначала чтобы выжить, потом чтобы удержать, потом чтобы приумножить. Работа выматывала его до дна. Он приходил домой за полночь, уходил затемно. Жена сначала ждала, потом перестала. Говорила: «В доме холодно, Тимур. Не батареи – ты холодный». Он отмахивался: «Потерпи, вот этот проект сдам – заживём».

– И что?

– Она ушла. Не выдержала этого холода. Не физическое – душевное. Сын, которому Тимур хотел передать свою империю, вообще бизнесом не заинтересовался. Он уехал к матери в Москву и стал художником. Представляешь? Рисует портреты, фотографирует для географических журналов, живёт в своё удовольствие и всё у него хорошо. А Тимур... У него всё есть. Дом – полная чаша, счета, машины, статус. А глаз – не горят. Потому что внутри пусто. Он получил всё, что просил у магии, да только оказалось, что просил он не то.

– Подожди, – Семён нахмурился. – Ты хочешь сказать, магия сработала не так? Она ведь дала ему именно то, что он заказывал?

– Именно. Магия – она не обманывает. Она даёт то, что ты просишь. Тимур просил денег и успеха. Он их получил. Но он забыл включить в заказ счастье. Или любовь. Или смысл. Белый маг дал ему силу, поддержал, помог с реализацией успеха. А то, как он распорядился этой помощью и своей

жизнью – уже его личная цена. Магия не забирает – она отдаёт. Но что ты будешь делать с подарком – твоя забота.

– А «Пламя»? – спросил он, хотя ответ уже пугал.

– «Пламя»... – Марина вздохнула, и в этом вздохе было столько боли, что Семён поёжился. – У «Пламени» свои истории. Страшнее, может быть. Потому что там горит всё – и хорошее, и плохое.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– Знала я давно одну пару, – начала она. – Лет семь назад. Молодые, красивые, любили друг друга так, что на них смотреть было радостно. Свадьбу назначили, ресторан заказали, платье она выбирала – такое воздушное, всё в кружевах. Мечтала, как пойдёт к алтарю. А он... он позвонил за две недели. Сказал: «Прости, я ухожу к другой. Не звони больше».

Голос Марины дрогнул, но она продолжила:

– Девушка та, невеста, с работы его была. Видела, как он счастлив с другой, и решила – не отдам. Сама она не была магом, просто обычная девушка, разбитая горем. И она пошла к ведьме. Сильная ведьма, умелая. Сделала приворот.

– Приворот? – переспросил Семён.

– Именно, – жёстко сказала Марина. – Ты задумывался когда-нибудь, что значит это слово? «При» – это присоединение. А «ворот» – от «воровать». Воровать то, что тебе не принадлежит. Волю, душу, жизнь. Воровать чужую судьбу.

Она помолчала, давая словам осесть в сознании Семёна.

– И всё сработало. Свадьба расстроилась, парень ушёл к той, коллеге. Они поженились, даже ребёнка родили. Жили, казалось бы, хорошо. Три года.

– А дальше?

– А дальше – расплата. Магия забирает энергию у того, на кого направлена. Три года она брала её у него. Каждый день, каждый час по крупице. Его силу, его здоровье, его жизненный огонь – всё уходило на поддержание чужого, украденного счастья. А когда срок кончился...

Марина замолчала, и в этой тишине Семён услышал, как где-то вдалеке залаяла собака. Звук показался невероятно далёким, из другого мира.

– Он начал чахнуть, – продолжила Марина глухо. – Болеть. Худел на глазах, врачи ничего не могли найти. Работу потерял – сил не было. Денег не стало. А она, та, ради которой всё затевалось, посмотрела на него и ушла. Зачем он ей теперь? Больной, нищий, пустой. Ребёнка забрала и уехала. А он остался один.

В темноте парка повисла тишина, нарушаемая лишь далёким шумом машин. Семён сидел, вцепившись пальцами в край скамейки, и чувствовал, как внутри всё переворачивается.

– А та? – спросил он хрипло. – Которая заказала приворот?

– А что она? – Марина пожалала плечами. – Она тоже своё получила. Такие вещи просто так не проходят. Она замуж

так и не вышла. Живёт одна, работает, вроде всё есть, а счастья нет. Потому что чужое счастье, украденное, счастьем не становится. Это только огонь, который сжигает того, кто его разжёт, и того, кем горел.

Семён некоторое время молчал, переваривая услышанное. Две истории. Два разных подхода. Но в одном они были похожи: в обоих случаях люди сами выбирали, к какой силе обратиться. И сами платили цену за свой выбор.

– И обе стороны хотят заполучить таких, как я? – спросил он, и в его собственном голосе прозвучала фальшивая нота, будто он цитировал плохой диалог из фильма. Только теперь этот диалог стал реальностью, страшной и липкой.

– Пробуждающихся, да, – кивнула Марина. – Им нужны новые маги. Пополнение рядов, свежая сила. Они будут тебя искать, звать, уговаривать. Ты должен быть готов.

Семён надолго замолчал. В голове не укладывалось: весь этот скрытый мир, войны сообществ, маги, вербовка, цена...

– Получается, любая магия – это плохо? – спросил он наконец. – Что бизнесмен, что та девушка... Оба заплатили. Один – семьёй и смыслом, другая – всей жизнью. Может, вообще не стоит связываться?

Марина посмотрела на него с тёплой, чуть печальной улыбкой.

– Семён, магия сама по себе не плоха и не хороша. Она – как огонь. Огнём можно осветить путь, а можно ослепить. Магия – это часть мира. Такая же естественная, как ветер

или дождь.

Она подняла руку и указала куда-то в сторону парка, где редкие фонари золотили голые ветки.

– Ты видишь этот свет? А тени? А то, как пахнет воздух после дождя? Всё это – волшебство. Просто мы привыкли называть это «физикой» или «природой». Но посмотри глубже. Выздоровление больного, которое врачи не могут объяснить. Случайная встреча, перевернувшая жизнь. Музыка, от которой мурашки по коже. Всё это – магия. Она повсюду.

Она повернулась к нему, и в её глазах блеснули искорки света.

– Магия может защищать, оздоравливать, оберегать. Она украшает этот мир, делает его глубже и интереснее. Проблема не в магии. Проблема в людях. Мы всегда хотим быстро. Срубить результат здесь и сейчас, не думая о завтра. Мы хватаемся за силу, как за палочку-выручалочку, а потом забываем о ней, когда она сделала своё дело. Или используем её, чтобы сделать больно другому. А магия – она не про боль. Она про жизнь.

Она помолчала, и в этом молчании Семён вдруг остро ощутил, как много всего она не договаривает. Сколько знаний, опыта, может быть, даже боли стоит за её словами.

– А ты? – спросил он вдруг то, что вертелось на языке весь вечер. – Ты к какой стороне принадлежишь?

Марина улыбнулась краешком губ.

– Я давно уже вне этих игр. Но это не значит, что я не

понимаю их правил. Я просто наблюдаю и иногда... подсказываю таким, как ты.

Она встала со скамейки, стряхивая несуществующую пыль с куртки.

– Запомни, Семён. Выбор всегда за тобой. И «Светочи», и «Пламя» – они предложат тебе силу, знания, защиту. Но то, как ты этой силой распорядишься и кем станешь на выбранном пути – это уже твоя личная цена. Магия – это дар. Как голос, как слух, как талант к рисованию. Всё зависит от того, в чьи руки она попадёт и с какой целью будет использована.

– А ты веришь в магию? – вырвалось у него, когда она уже сделала шаг в сторону дороги.

Марина обернулась. В свете фонаря её лицо казалось высеченным из старого, мудрого камня, но в уголках губ пряталась тёплая улыбка.

– Семён, я не верю в магию. Я в ней живу.

И в этот момент холодный осенний воздух вокруг них словно уплотнился, стал чуть теплее, чуть гуще, будто сам парк затаил дыхание, подтверждая её слова.

В этом состоянии растерянности его и застала Варя, напомнив о данном когда-то обещании сходить на экскурсию в катакомбы. Выкрутиться было нечем.

Место находилось в Аксае – городе-спутнике, который давно уже географически и практически слился с Ростовом, но сохранил свою особенную, приземистую и таинственную ауру. Их группа собралась у невысокого, но крутого холма на

его окраине. Вход, неприметная дверь в бетонном массиве, больше походил на крышку забытого бункера.

Спустившись внутрь, Семён был поражён масштабом и неестественностью пространства. Это не были пещеры или подвалы. Тоннели, по которым они шли, выглядели так, будто их не рыли, а высверлили в толще камня и глины чудовищным, трёхметровым в диаметре буром. Стены были неестественно ровными, цилиндрическими, облицованными потрескавшимся, но всё ещё монолитным железобетоном. Они уходили в темноту, теряя перспективу. Иногда путь преграждали груды обломков – «этот выход взорвали в семидесятых, чтобы дети не лазили», – невозмутимо пояснял гид. Другие ответвления были наполовину залиты чёрной, недвижимой водой, отражавшей дрожащий свет фонарей, или перекрыты массивными, покрытыми ржавой изморозью решётками.

Гид, бородатый энтузиаст местного краеведения, вёл свой привычный рассказ, перемежая исторические факты легендами:

– По официальной версии, значительная часть этих ходов создавалась в середине прошлого века для нужд обороны. Но посмотрите на эту кладку в старых секторах... Некоторые уверены, что первые тоннели здесь проложили ещё турки-османы, когда укрепляли свои форпосты. А может, и раньше. Говорят, это часть чего-то большего – древнего подземного пути, святилища, или даже... портала, если хотите

мистики. Отсюда и истории о пропавших исследователях, о звуках шагов там, где никого нет, о чувстве, что за тобой пристально наблюдают из темноты.

Среди туристов тут же начался спор. Одни, впечатлённые, кивали: «Турки... это объясняет эти своды, похожие на те, что в старых крепостях!» Другие, более скептические, фыркали: «Какие турки! Всё проще и страшнее. Это же ясно как день – засекреченный военный объект. Часть гигантского подземного комплекса, может, даже запасной командный пункт или хранилище. Вот почему столько завалов и решёток – не чтобы легенды охранять, а чтоб любопытные далеко не ушли».

Семён слушал этот спор рассеянно. Для него и та, и другая версия были лишь фоном, земным эхом того, гораздо более странного конфликта, о котором ему поведала Марина. Варя же, казалось, впитывала обе теории с одинаковым жадным интересом.

И вот, когда группа остановилась в одном из «залов» – расширении тоннеля, где когда-то стояли какие-то механизмы, о чём говорили остатки креплений в стенах, Семён не выдержал. Он отвёл Варю чуть в сторону, в нишу, где их не слышали спорщики.

– Ты не поверишь, что мне рассказала Марина, – начал он шёпотом и выложил ей всё: о двух сообществах магов, о «Светочах» и «Пламени», о Тимуре, который получил всё, но потерял себя, о парне, сгоревшем от приворота, о том,

что его, похоже, «хотят» обе стороны как свежий приток, как нового мага.

Варя слушала, не перебивая, её глаза в полумраке расширились, становясь огромными и тёмными, как вода в затопленных штреках. Она задавала не те вопросы, которых он ждал.

– А сама Марина? К какой из этих фракций она относится?

– Не знаю. Не сказала. Говорит, что вне игр.

– И ты поверил? Семён! Это же ключевое! – в её голосе прозвучала тревога, переходящая в раздражение. – Она раскрывает тебе такие истории, и ты даже не понимаешь, от чьего лица она говорит? Она что, просто беспристрастный наблюдатель?

– Я не знаю, – честно признался он. – Но она предупредила. Это важно.

– Предупредила, чтобы заманить на свою сторону! – выдохнула Варя. – Послушай меня. Всё, что ты описал – спокойное русло «Светочей» и огненный поток «Пламени» – это две стороны одной медали. И та, и другая хотят получить тебя в свои ряды. А где в этой картине просто ты? Где твой собственный выбор?

Она произнесла это с такой жаром, что Семён на мгновение отвлёкся от магических войн.

– Постой. То есть то, что вообще существуют маги и сообщества, тебя не смутило в моём рассказе? Ты спокойно при-

нимаешь этот факт? Ты реально в это веришь?

Варя посмотрела на него с лёгким укором. В свете фонарика её лицо казалось высеченным из бледного камня.

– Семён, в мире столько всего, что наука пока не может объяснить, но что от этого не перестаёт существовать. Я каждый день в больнице вижу границу между жизнью и смертью. Там, на этой границе, остаются только вопросы, на которые нет учебников. И там... да, там чувствуется что-то большее. Я вполне допускаю, что магия, в самом широком смысле, существует. И конечно, есть люди, которые умеют с ней взаимодействовать. Другой вопрос – как и зачем они это делают.

– И на какой же стороне ты? – спросил он, глядя, как отблески фонарика танцуют в её глазах.

– Я, как и ты, на стороне тех, кто помогает, а не использует, – твёрдо сказала она. – И никакие загадочные Марины нас с этой дороги не собьют.

В её голосе прозвучала неожиданная резкость, почти вызов. И Семён вдруг подумал, что дело не только в принципах. В её словах, в этом «нас», слышалась капля ревности. Ревности не к другой девушке, а к этому таинственному, опасному миру, в который его затягивало, миру, где у неё не было власти и понимания.

В этот момент гид громко позвал группу двигаться дальше, к участку с «аномальной акустикой». Они пошли, но разговор повис в сыром, тяжёлом воздухе тоннеля неразрешённым грузом.

Семён шёл дальше по бетонному полу, автоматически слушая споры о турках и военных, но думал о другом. Эти высверленные в земле тоннели были похожи на гигантские раны или искусственные артерии. Кто бы их ни создал – древние завоеватели, секретные инженеры или сами силы земли – они служили идеальной метафорой. Под видимым, обыденным миром существовал другой, скрытый слой. Со своей историей, своими законами и своими войнами. И он, похоже, против своей воли, стал частью именно такой, невидимой войны.

Холод сырых стен, казалось, просачивался сквозь куртку, достигая самого сердца. Где-то впереди, в самой глубине этого лабиринта, возможно, находился тот самый мифический «портал» – точка невозврата, где придётся наконец сделать шаг. В какую сторону – он не знал.

Глава 7. Амулет

Он появился в «Белом Журавле» в пятницу вечером, когда поток покупателей уже стихал. Дверь открылась с привычным звоном, и на пороге возникла подтянутая фигура в отлично сидящем на ней тёмно-сером костюме. Семён, протиравший пыль с полок с чайниками, замер.

– Саня?

– Привет, старина! – Александр широко улыбнулся, и в его глазах мелькнуло искреннее дружелюбие. Он шагнул вперёд, крепко похлопал Семёна по плечу. – Тебя, как игол-

ку в стоге сена! Варя рассказала, где ты прячешься. Говорит, стал чайным гуру.

Семён, всё ещё не веря в случайность, рассмеялся.

– Гуру – громко сказано. Продавец. А ты-то что здесь?

– Дела. У отца тут один клиент, – небрежно махнул рукой Александр, осматриваясь. Взгляд его был быстрым, оценивающим. – А заодно решил – раз уж друг в теме, надо брать у профессионала. Слышал, сейчас пуэр в тренде у серьёзных людей. Надо соответствовать.

Они болтали о прошлом, о дворе, о соседях из пятиэтажки, где Саша жил в квартире, оставленной родителями после переезда в большой дом. Александр, как всегда, говорил уверенно и с лёгкой снисходительной теплотой. Он рассказывал о работе в юридической фирме отца, о громких делах, о планах на будущее. Он был воплощением целеустремлённого успеха, человека, который не сомневается в выбранном пути и в своей способности этот путь проложить. Семён слушал, и ему было странно комфортно в этой роли – просто друга, а не того, кого преследуют невидимые фракции.

Именно в этот момент его взгляд упал на запястье Александра. Поверх безупречной манжеты рубашки выглядывал браслет. Не просто украшение. Широкий, из состаренной, дорогой кожи, с массивной золотой печаткой в виде щита. На щите была выгравирована изящная колонна, а внутри неё – детально проработанные весы, которые словно висели на эфесе вертикально стоящего меча. Работа была ювелирной,

и в ней чувствовалась не только стоимость, но и... намерение.

– Сань, а это что? – не удержался Семён, указывая на браслет.

Александр посмотрел на своё запястье, и его пальцы на долю секунда непроизвольно коснулись золотого щита, поправили его.

– А, это. Печать нашей компании. Отец придумал лет пятнадцать назад. Ты же знаешь, вся эта символика – весы Фемиды, меч правосудия. Стильно же?

– Да, очень, – кивнул Семён, всматриваясь. – И дорого, чувствуется.

– Отец подарил, когда я впервые в офис пришёл стажёром, – в голосе Александра прозвучала гордость. – С тех пор почти не снимаю. Особенно если в суд или на серьёзные переговоры. С ним как-то... увереннее.

– О, значит, это твой талисман на удачу? – спросил Семён, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как невинная шутка.

Но реакция была нешуточной. Александр на секунду замер, его лёгкая, открытая улыбка сменилась на что-то более сосредоточенное, оценивающее. Он посмотрел прямо на Семёна, и в его глазах мелькнула тень удивления, будто его застали за чем-то сокровенным.

– Можно и так сказать, – наконец произнёс он, и его тон стал чуть более официальным, отстранённым.

Он быстро перевёл разговор на чай. Семён, чувствуя, что наткнулся на что-то личное, не стал настаивать. Он профессионально подобрал несколько прессованных «блинов» выдержанного пуэра, объяснил тонкости заваривания. Александр кивал, задавал деловые вопросы о выдержке, происхождении, купил на внушительную сумму и удалился на свою встречу, оставив лёгкий шлейф дорогого парфюма и ощущение неразгаданной загадки.

На следующее утро, когда Марина вышла покормить птиц, Семён пошёл к ней поговорить о браслете.

– Привет, Сеня, рассказывай.

– Доброе утро. Хотел кое-чем поделиться. Вчера ко мне друг заходил. И у него был... – он запнулся, подбирая слова, – очень необычный браслет. С символами. И он сказал, что это приносит ему удачу в делах. Но когда я назвал это талисманом, он как-то странно посмотрел.

Он подробно описал браслет, стараясь передать не только внешний вид, но и то чувство сконцентрированной, почти осязаемой силы, которое он от него получил.

Марина слушала, переставая бросать зерно голубям. Когда он закончил, она медленно вытерла руки о платок и повернулась к нему. В её синих глазах горел не праздный интерес, а глубокая, профессиональная сосредоточенность.

– Ты начал видеть не просто предметы, Семён. Ты начал чувствовать их намерение. Их... заряд. – Она сделала паузу, подбирая слова, понятные его логическому уму. – Ма-

гические талисманы, особенно связанные с благополучием и успехом, это не безделушки. Это сложные устройства. Их создают – или «заряжают» – конкретными энергиями, часто привязывая к стихиям: к твёрдости земли для стабильности, к остроте воздуха для решимости, к силе огня для напора, к гибкости воды для дипломатии. Настроенный на энергетику владельца, сильный амулет работает как усилитель. Он помогает концентрировать волю, притягивать нужные возможности, отталкивать мелкие помехи. Результат его работы виден не в искрах из глаз, а в цепочке событий: вовремя полученная информация, нужная встреча, выигранное дело.

В её голосе звучала не мистическая тайна, а спокойная констатация факта, как если бы она объясняла принцип работы сложного механизма.

Как в игре, – подумал Семён: персонаж берёт светящийся камень, чтобы не заблудиться, и амулет защиты. А его враги используют зеркала, чтобы поглотить свет, или туман, чтобы сбить с пути. Вся эта атрибутика... она же вокруг нас. Руны на машинах, брелки, те же красные ниточки.

Он непроизвольно коснулся своего левого запястья, где уже целый год висел простой браслет из красной шерстяной нити, туго завязанный семью узелками. Его привезла Варя из поездки, сказав, что сделали его в одном храме. «Он будет тебя оберегать от сглаза и болезней», – заявила она тогда со свойственной ей уверенностью. Семён отшутился, но она взяла и повязала ему на руку сама. «Это не просто так,

– настаивала она, уже серьёзно. – Через левую руку проходит важная вена, связанная с сердцем. Нитка её согревает, энергия лучше циркулирует. Это для здоровья». Это объяснение, приземлённое и связанное с телом, его тогда устроило больше, чем разговоры о энергетических полях. Теперь он смотрел на эту скромную ниточку и думал, что забота Вари, её желание его защитить любыми, доступными ей способами, тоже была своего рода магией. Магией простой человеческой любви и веры.

Марина проследила за его взглядом и тихо улыбнулась.

– Да. И красная нить, если её зарядили с правильным намерением в месте силы и повязали с искренней заботой, может быть сильнее самого дорогого золотого щита. Потому что её сила – в чистоте посылы. Защитить. Уберечь. Не подавить конкурента, не выиграть дело любой ценой, а просто сохранить жизнь и покой дорогого человека.

Её слова разделили мир амулетов на два полюса. На одном – браслет Александра, сложный, мощный, заряженный на победу и превосходство в социальной игре. На другом – простая нитка Вари, заряженная на защиту и здоровье.

– Так что же опасного в том, что я это почувствовал? – спросил Семён.

– Опасно не почувствовать, а привлечь внимание, – тихо сказала Марина. – Если ты уже на таком уровне различаешь заговорённые вещи, значит, и другие это могут заметить. Особенно те, кто такие вещи создаёт. Твой друг... он, ско-

рее всего, просто носитель. Но тот, кто сделал этот браслет... тот обладает силой. И ему может не понравиться, что кто-то посторонний проявляет к его работе такой интерес. Будь осторожнее. Иногда знак на двери – это не приглашение, а предупреждение: «Частная собственность. Не входить».

Она закончила кормить птиц и ушла, оставив Семёна наедине с новыми мыслями. Его программистский ум тут же принялся создавать новую папку: «Артефакты». Подпапки: «Защитные (н-р, красная нить Вари)», «Усиливающие/атакующие (н-р, браслет Саши)», «Нейтральные/инструменты (н-р, свечи Марины)». Каждый со своим кодом доступа, своими последствиями использования и своей ценой.

Он снова посмотрел на красную нить. Она казалась такой хрупкой. Но сейчас он чувствовал её тепло не как физическое, а как тихое, упрямое свечение. Защита. Забота. Варя, со своей верой в знаки и свои «воспоминания» из прошлых жизней, интуитивно стремилась дать ему именно это – щит, а не меч. И в этом, возможно, заключалась настоящая мудрость, до которой ему, со всеми его попытками систематизировать магию, ещё только предстояло дорасти.

Глава 8. Сон

Тот разговор с Мариной о двух типах амулетов – золотом щите Александра и скромной красной нити Вари – засел в сознании Семёна глубже, чем он готов был признать. Весь вечер он то и дело касался левого запястья, где под тёплой

шерстяной ниткой ровно и успокаивающе бился пульс. Магия заботы, сказала Марина. Чистота посылает. Это было так просто и так сложно одновременно.

Он думал о Варе, о том, как она, сама того не ведая, уже давно вплела в ткань его жизни эту тонкую защитную нить. И о Саше, который носит на запястье не просто украшение, а сложный инструмент для побед в социальных баталиях. Два мира. Два подхода. Две правды, которые, кажется, никогда не встретятся.

С этими мыслями он и уснул. Но подсознание, как опытный режиссёр, уже монтировало декорации для продолжения этого спора. Только теперь не на языке браслетов и амулетов, а на языке древнем, почти забытом, но оттого ещё более пронзительном.

Сны Семёна перестали быть туманными воспоминаниями. Теперь они рывались в сознание с кинематографической, почти болезненной чёткостью. Он не просто видел – он был там. Его тело помнило игру мышц под другой кожей, а сердце – чужие, но до боли понятные страсти.

В ту ночь он снова очутился в древнем царстве. Не в пыльной мастерской кузнеца, а на просторной, вытопанной тысячами ног площади перед громадой деревянного замка. Срубы из тёмного, почти чёрного леса уходили ввысь, увенчанные островерхими кровлями. Воздух пах дымом очагов, конским потом и холодным ветром с ближайших гор.

В центре площади, перед широкими замковыми ворота-

ми, стояли двое, а вокруг них кольцом замерло войско и горожане. Один из них был ВОИН. Он казался воплощённой силой. Высокий, с плечами, готовыми раздвинуть стены, в мягких, но прочных кожаных сапогах, запачканных дорожной глиной. Длинные, почти белые от солнца и пыли волосы были схвачены простым ремешком на затылке. Его льняная рубаха, когда-то белая, а теперь сероватая от пота и дорог, была туго перетянута толстым ремнём с массивной железной пряжкой. У бедра – длинный меч в потёртых ножнах, за спиной виднелась рукоять короткого клинка. Но главным было не оружие, а его уверенность. Она исходила от него, как жар от раскалённого камня. Его голос, низкий и хриловатый, рубил тишину:

– ...И пока они слабы, пока их старейшины спорят! Наши клинки остры, а сердца полны отваги! Мы принесём не просто победу – мы принесём новые поля, новые стада, богатство, о котором ваши жёны и дети ещё не смеют мечтать! Мы укрепим границы так, что сто зим никакой ветер не поколеблет наши стены!

Войско вокруг гудело одобрительно. Звякало оружие, кто-то глухо бил мечом в щит. Энергия яростного, неудержимого порыва поднималась от этой толпы, и Семён, будучи там, чувствовал её каждой клеткой. Это был чистый, необоримый огонь. Огонь действия, завоевания, расширения. Он казался таким простым и таким правильным. И в этом огне Семён вдруг узнал ту самую энергию, что исходила от браслета

Александра, – только здесь она была первозданной, необузданной, великой в своей разрушительной красоте.

А напротив воина стоял ШАМАН. Он был не стар, но в его лице была мудрость не лет, а пройденных троп. Сильный, крепко сбитый мужчина в длинной, до пят, простой рубаше, подпоясанной верёвкой. Его голова была выбрита, и на бритой коже вились причудливые, синие от времени татуировки – спирали и звериные лики. Такие же узоры покрывали его мощные руки, сложенные на груди. Его голос не громил площадь, а заполнял её, как заполняет ущелье глубокая, холодная река. Спокойный, размеренный, неумолимый.

– Ты принесёшь победу, воин. Я вижу её в дымах костров, слышу в рёве твоих медведей. Но я вижу и то, что придёт с победой. Не с чужими мечами, а в сердце твоего собственного народа. Жажда. Ненасытная жажда победы поселится в них. Они забудут вкус хлеба, выращенного своими руками, и будут жаждать только блеска отнятого золота. Грань между жизнью и смертью сотрётся, станет игрой. И в конце долгого пути, самые яростные из твоих бойцов... они закончат свои дни в одиночестве. Будут сидеть на грудах бесполезных камней, которые некому будет передать, ибо род их остановится, сожжённый тем же огнём, что ты несёшь сегодня.

Когда Семён был им, во всём теле разливалось безмерное, непоколебимое спокойствие. Это была не пассивность, а сила иного порядка – знание течения реки, ритма дыхания земли. Видение будущего было для шамана таким же реальным,

как меч в руке у воина. И в этом спокойствии Семён узнал другое – тепло красной нити на своём запястье. Только здесь это было не просто желание уберечь одного человека, а понимание судьбы целого народа. Мудрость, купленная ценой бесконечной боли наблюдения.

– Бесполезные камни?! – захохотал воин, и в его смехе звучала искренняя, почти детская непокорность. – Власть и богатство – вот что делает народ счастливым! Сытым! Сильным! Мы были воинами всегда, шаман! Откуда взялось это царство, как не по лезвию меча? Почему именно сейчас твоё видение стало таким...

Семён во сне разрывался. Его сознание металось между двумя точками, чувствуя правду в каждом слове. Огонь воина горел в его груди жадной жизни, подвига, свершений – это был путь Александра, путь побед и триумфа. Мудрость шамана остужала разум леденящим знанием цены, которую придётся заплатить, – это был путь Вари, путь защиты и сохранения. Он пытался увидеть того, кто должен был рассудить этот спор – властителя, царя на стене замка, но его взгляд скользил по пустым бойницам. Исхода он не узнал, проснувшись с чувством неразрешенного противоречия, тяжёлым, как невысказанное слово.

За завтраком он позвонил Варе.

– Ты не поверишь, какой сон...

Он выпалил всё, сбивчиво, передавая не только слова, но и те самые ощущения:

– Понимаешь, когда я был воином, это было как... как жаркий, неуправляемый огонь в груди. Хочется рушить стены, кричать, вести людей за собой. Прямо как Сашин браслет, только в сто раз мощнее. А когда я был шаманом – это глубокая, тёмная, холодная река. Она всё знает, всё видит насквозь, и от этого спокойно, но и жутковато. Как твоя красная нитка, Варя. Только нитка – это для одного человека, а там – для целого племени.

Варя слушала молча, потом тихо сказала:

– Сень, это уже не просто сон. Это выбор, который ты чувствуешь кожей. Ты правда считаешь, что я – это «холодная река»?

– В хорошем смысле! – поспешил добавить он. – Ты всегда видишь дальше, всегда предупреждаешь. Помнишь, сколько раз ты говорила мне «не торопись», «посмотри по сторонам»? Я тогда отмахивался, а ты оказывалась права.

– А Саша – огонь? – спросила Варя, и в её голосе послышалась странная нотка – не то ревность, не то тревога.

– Саша – да. Он горит. Он всегда горел. Ему нужно побеждать, доказывать, завоёвывать. И его браслет – это инструмент для этого огня. Усилитель.

Варя надолго замолчала. Семён слышал в трубке её дыхание и далёкий больничный шум – где-то звякнула тележка, объявили вызов.

– Слушай, – наконец сказала она. – А кто в этом сне был судьёй? Кто должен был их рассудить?

– Не знаю, – честно признался Семён. – Там, на стене замка, было пусто. Никого.

– Пусто, – эхом отозвалась Варя. – Значит, выбирать придётся тебе. И никто за тебя это не сделает.

После разговора он долго сидел, уставившись в остывающий кофе. Две силы. Огонь и река. Порядок через завоевание и мудрость через сохранение. «Светочи» и «Пламя», о которых говорила Марина. Воин, идущий напролом, и шаман, видящий цену любого пути.

Он посмотрел на красную нить на запястье. Тёплая, надёжная, живая. Потом вспомнил золотой щит на руке Александра – холодный, уверенный в своей правоте. И понял: весь этот спор – не просто сон. Это проекция того, что зрело в нём самом все последние недели. Он действительно стоял на пороге выбора. Между желанием пробиться, завоевать своё место в мире – и стремлением сохранить себя, не потерять по дороге что-то важное, настоящее.

Главный вопрос оставался открытым: а где в этой картине он? Воин или Шаман? Или тот самый невидимый царь, которому предстоит выслушать обе стороны и принять единственно верное решение?

Ответа не было. Только тишина за окном да ровное, успокаивающее биение пульса под шерстяной ниткой на левом запястье.

День начинался как обычно. Тихий утренний свет, первая чашка крепкого шу пуэра для бодрости, проверка заказов на сайте. Семён уже научился ловить то странное состояние «ясности», когда мир казался отлаженной, пусть и загадочной системой. Но сегодня система дала сбой. Не глобальный, а мелкий, раздражающий, как зависшее окно программы.

Он допивал вторую заварку, наслаждаясь глубоким, землистым вкусом, как вдруг... вкус исчез. Не испортился, не стал горьким – он просто пропал. В ротовой полости осталась горячая, почти безвкусная жидкость, чуть отдающая деревом, но лишённая всякой глубины и послевкусия. Семён поморщился, посмотрел на чашку. «Сдуру плохо заварил?» – подумал он и отставил пиалу в сторону.

Именно в этот момент в магазин заскочил мальчишка. Лет двенадцати, в потрёпанной куртке, глаза бегающие, быстрые. Он постоял у полки с недорогими сортами, схватил блистер с пакетированным чаем «Жасминовая жемчужина» – один из самых дешёвых товаров, почти сувенир для туристов. Семён, отвлечённый странностью с собственным чаем, лишь краем глаза заметил, как парень сунул блистер в карман куртки и, не поднимая головы, стремительно выскользнул за дверь.

Кража была мгновенной и почти мастерской. Семён замер на секунду, прежде чем осознал произошедшее. Он не бросился в погоню. Сумма смехотворная. Но чувство, поднимающееся из глубины желудка, было отвратительным. Это была не злость, а едкая, тошнотворная несправедливость. Ошу-

щение, что в твой отлаженный, пусть и сложный мир, влезли грязными пальцами и что-то выдернули из него. Не товар – кусок порядка, кусок доверия. Неприязнь ко всему на свете, к этому дню, к мальчишке, к самому себе за свою рассеянность, разлилась по телу тёплой, липкой волной.

Он вздохнул, подошёл к кассе и формально провёл операцию «продажи» украденного чая, положив в кассу свои собственные деньги. Ритуал успокоения совести. Не помогло.

День пошёл наперекосяк. Клиенты были, продажи шли, но фоном, как назойливый шум в ушах, звучало это неприятное послевкусие кражи. Оно окрашивало всё. Вежливая улыбка покупателю давалась через силу. Звон монет в кассе казался фальшивым. Даже успешная продажа дорогого чайного набора не принесла удовлетворения, лишь краткое заглушение фонового раздражения. Это было похоже на то, как если бы в отлаженный код его дня вставили одну вредоносную строку, и теперь она тихо, но неизменно портила выполнение всей программы.

Вечером, заполняя электронный каталог магазина, он дошёл до карточки «Жасминовая жемчужина». Нужно было обновить фотографию и проверить описание. И в тот момент, когда он открыл файл с изображением чая, его накрыло.

Чувство абсолютной пустоты. Безвкусия. Не эмоционального, а почти физического. Он смотрел на яркую картинку с зелёными чайниками и бутонами жасмина, а в памяти всплы-

вал тот самый утренний глоток его пуэра, который вдруг стал водой. И его осенило.

Это не просто чай украли. У него украли суть. Вкус, аромат, саму идею этого чая. В его внутренней, только ему видимой «матрице» магазина, файл под названием «Жасминовая жемчужина» оказался... пустым. Не удалённым, а именно обнулённым. Параметры «вкус», «аромат», «назначение» были стёрты. В голове чётко возникла картинка: интерфейс базы данных, где в строке этого товара вместо данных гордо красовалось «NULL». А рядом – его собственный файл, условно названный «Обида.Кража.05.07», который раздулся, потяжелел от негативных данных: «несправедливость», «раздражение», «ощущение нарушения порядка».

Логика, холодная и точная, сработала мгновенно. Если реальность – это программа, а его восприятие – интерфейс для её чтения и... отчасти редактирования, то что мешает сделать простую операцию копирования-вставки?

Он закрыл глаза, представил два этих файла. Тяжёлый, тёмный файл обиды. И лёгкий, светящийся файл «Выручка.День», где цифры сегодняшних продаж, несмотря ни на что, были впечатляющими. Он мысленно выделил всё содержимое файла выручки, скопировал и аккуратно вставил поверх данных в файле обиды, заменив собой.

В реальности не сверкнули молнии. Но внутри что-то щёлкнуло, как защёлка в сложном механизме. Давящее чувство в солнечном сплетении рассеялось. Раздражение уполз-

ло, оставив после себя лишь лёгкую усталость и... любопытство. Он мысленно снова вызвал карточку «Жасминовая жемчужина». Файл больше не был пустым. В нём снова были параметры вкуса и аромата, чуть бледные, но уже не нулевые. А главное – появилась новая строка: «Инцидент. Возвращено балансом».

Семён откинулся на спинку стула и тихо рассмеялся. Получалось, он только что отладил свой собственный внутренний код, переписав реакцию на событие. Стало хорошо не потому, что кража перестала быть фактом, а потому что он изменил её вес в своей реальности.

Но одно не давало покоя. Он почувствовал исчезновение вкуса своего чая до того, как мальчишка украл другой. Это было не предчувствие кражи. Это было... что? Ощущение локального обнуления, сбоя в «матрице» в его непосредственной близости? Словно система дала лог-сообщение об ошибке: «Внимание! В секторе «Магазин» зафиксирована аномалия – изъятие сущности без процедуры обмена. Целостность данных под угрозой».

Это было уже не просто наблюдение или внутренняя работа. Это был ввод. Сигнал из внешнего мира, который его пробуждающееся восприятие считало до того, как событие проявилось физически.

Он посмотрел на чашку с давно остывшим, безвкусным чаем. Загадка. Интересная, чуть пугающая загадка. Если он способен чувствовать такие «сбои», то что ещё он может вос-

принять? И главное – если «Светочи» и «Пламя» охотятся за теми, кто видит ткань реальности, то как скоро они заметят того, кто начал слышать её тихие, системные ошибки?

Семён закрыл магазин раньше обычного. Внутри всё ещё гудело то странное, опустошающее чувство, которое не проходило даже после мысленной «перезаписи» файлов. Он поймал себя на том, что идёт домой не по привычному маршруту через парк, а вдоль набережной, где ветер с Дона мог хоть немного разогнать эту липкую, противную тяжесть в груди.

Но не помогло.

Дома он скинул куртку прямо на пол, прошёл на кухню, устался на чайник. Рука потянулась к выключателю, но замерла. Не хотелось. Ни чая, ни тишины, ни привычного вечернего ритуала. Он сел за стол, положил телефон перед собой и долго смотрел на потухший экран.

«Надо кому-то позвонить, – подумал он и сразу понял, кому. – Но не сейчас. Не хочу, чтобы меня жалели».

Телефон будто прочитал его мысли. Экран засветился, высветив знакомое имя. Варя. Он сбросил. Через минуту – снова. Снова сбросил. На третий раз, когда телефон завибрировал, он всё же нажал «принять», но ничего не сказал.

– Сень? – голос Вари звучал встревоженно, но мягко, без обычной весёлости. – Ты чего трубку не берёшь?

Он молчал, чувствуя, как слова застревают в горле. Какой смысл рассказывать про какого-то мальчишку, стацив-

шего дешёвый чай? Она будет смеяться. Или, что хуже, начнёт утешать, а он терпеть не мог, когда его утешали.

– Семён, – Варя произнесла его имя так, как не говорила никогда. Без шуток, без привычного «Сенька». Твёрдо, спокойно, почти по-врачебному. – Я слышу, что с тобой что-то не так. Ты дышишь как... не знаю. Как будто бежал марафон и упал за метр до финиша.

Он выдохнул. Действительно, дыхание было сбивчивым. Он даже не заметил, когда это началось.

– День дурацкий, – выдавил он. – Мелочь, не стоит внимания.

– Не стоит внимания? – переспросила Варя. – Тогда почему ты не выпил чай, который так любишь? У тебя на столе стоит кружка, я вижу по видеосвязи, когда ты брал трубку. Она полная. И холодная уже.

Семён машинально поднял глаза. Он и забыл, что включил видео. Варя смотрела на него из маленького окошка на экране, и в её взгляде не было ни насмешки, ни снисхождения. Было что-то другое – то, от чего у него перехватило дыхание.

– Я приеду, – сказала она и отключилась, не дожидаясь ответа.

Он хотел возразить, сказать, что не нужно, что всё в порядке, но телефон уже погас. Семён сидел и смотрел на холодный чай, чувствуя, как внутри медленно оттаивает что-то, что он сам же и заморозил за этот день.

Варя появилась через полчаса. У Семёна даже не нашлось сил удивиться, как быстро она доехала – обычно из её района в такую пробку было не пробиться. Она стояла на пороге в лёгкой куртке, не по погоде, с растрёпанными волосами и пакетом в руках.

– Пустишь? – спросила она, и в её голосе не было обычно-го «Сень, ты чего творишь?». Только тихая, спокойная уверенность, от которой почему-то защипало в глазах.

Он молча отступил, пропуская её. Варя прошла на кухню, не спрашивая, где что лежит, достала из пакета небольшой термос, две пиалы, какие-то травы в бумажном свёртке. Двигалась она быстро, но без суеты, как делала всё – с какой-то особенной, успокаивающей плавностью.

– Садись, – сказала она, и Семён послушно опустился на стул, наблюдая, как она разливает по пиалам горячий, густой настой. Пахло мятой, липой и ещё чем-то полевым, летним, чего в ноябре просто не могло быть.

– Что это? – спросил он.

– Мой фирменный сбор, – Варя села напротив, пододвинула пиалу ближе к его рукам. – Для тех, кто надышался чужим негативом и забыл, как дышать своим воздухом.

Семён хотел усмехнуться, но не смог. Он взял пиалу, сделал глоток. Вкус был необычным – тёплым, травянистым, с едва уловимой сладостью, которая разливалась где-то в груди, а не на языке.

– Рассказывай, – сказала Варя, обхватив свою пиалу ладо-

нями. Она не смотрела на него в упор, не давила. Её взгляд был мягким, рассеянным, будто она смотрела сквозь него, давая пространство для слов.

И он рассказал. Про мальчишку, про пустую чашку, про чувство несправедливости, которое никак не уходило. Про то, как он «переписал» файлы в голове, но осадок остался. Рассказывал сбивчиво, путаясь в словах, и всё ждал, что Варя сейчас засмеётся и скажет: «Сень, ты бы ещё программу по управлению погодой написал». Но она молчала. Слушала.

Когда он закончил, в комнате повисла тишина. Варя допила свой чай, поставила пиалу на стол и посмотрела на него. В её глазах не было насмешки.

– Знаешь, – сказала она медленно, – ты не первый, кто пытается переписать реальность, чтобы стало легче. Я каждый день в больнице вижу людей, которые делают то же самое. Только не мысленно, а с помощью таблеток, алкоголя, работы, в конце концов. Забывают плохое хорошим. И знаешь, что самое страшное?

– Что?

– Иногда это работает, – она чуть заметно улыбнулась, но улыбка была грустной. – Человек забывает боль, живёт дальше, а через год просыпается и понимает, что не помнит, от чего вообще лечился. Вылечился, а дыру не залатал.

Семён молчал, глядя на свои руки.

– Ты сегодня потерял что-то, что тебе было дорого, – продолжала Варя. – Не чай. Даже не честность. Ты потерял чув-

ство, что мир устроен правильно. Что в нём есть порядок, который ты можешь контролировать. И это страшно. Это страшнее любой кражи.

Она замолчала, и Семён вдруг понял, что она права. Именно это его так раздавило. Не потеря дешёвого товара. А трещина в уверенности, что он, Семён, способен всё удерживать, всё предусмотреть, всё отладить. Как программу. Как жизнь.

– И что мне делать? – спросил он хрипло.

Варя наклонилась вперёд, и её голос стал тише, мягче, словно она говорила что-то сокровенное.

– Ничего. Просто посидеть. Понять, что мир иногда даёт трещину, и это не ты виноват. И что залатать её можно не только кодом, но и... просто тем, что рядом есть те, кто принесёт тебе горячий чай в половине двенадцатого ночи, потому что услышал в твоём голосе, что ты устал.

Семён поднял глаза. Варя смотрела на него в упор, и в этом взгляде было что-то, чего он раньше не замечал. Не жалость. Не дружеское участие. Что-то другое, отчего по спине побежали мурашки, а в груди стало вдруг тесно.

– Варь, – начал он и запнулся.

Она не отвела взгляд. Сидела напротив, в его старой футболке, которую надела поверх своей, потому что в квартире было прохладно, и смотрела на него так, будто видела не просто уставшего друга, а что-то большее. Будто ждала чего-то.

Тишина тянулась долго. Слишком долго для случайного визита. Слишком долго для дружеской поддержки. В этой тишине вдруг стало тесно, душно, будто воздух в комнате загустел.

– Спасибо, – сказал он наконец, и слово вышло каким-то неловким, слишком громким в этой тишине.

– Не за что, – ответила Варя, и в её голосе тоже была эта неловкость.

Она встала первой. Поправила край футболки, убрала пустые пиалы в раковину, собрала термос. Делала всё медленно, будто не хотела уходить. Или ждала, что он её остановит.

Семён не остановил. Проводил до прихожей, открыл дверь. Варя накинула куртку, повернулась к нему.

– Сень, – сказала она, и в голосе её снова не было привычной весёлости, – если опять станет тяжело... ну, ты знаешь. Звони. Не надо всё в себе переваривать. Я всё равно приеду.

Он кивнул, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Она замерла на пороге, глядя на него. И в этом взгляде было всё – и то, что она хотела сказать, и то, что не решалась. Долгий, тягучий взгляд, в котором время будто остановилось. Семён смотрел в ответ и не мог отвести глаз. Ему казалось, что сейчас, вот прямо сейчас, произойдёт что-то, что изменит всё.

Но Варя моргнула, улыбнулась уголком губ и шагнула за порог.

– Спокойной ночи, – сказала она и быстро пошла к лест-

нице, не оборачиваясь.

– Спокойной ночи, – ответил он в закрывающуюся дверь.

Семён стоял в прихожей, прислушиваясь к удаляющимся шагам. В квартире ещё пахло мятой и липой, на столе остались две пустые пиалы, а в груди всё ещё было то странное, щемящее чувство, которое он никак не мог назвать.

«Почему я не остановил её? – подумал он. – Что, если бы я её остановил? Что бы я сказал?»

Вопрос повис в воздухе без ответа. Он вернулся на кухню, посмотрел на пиалы, на остывший чайник, на термос, который Варя забыла на столе. Взял его в руки. Ещё тёплый.

Он вдруг остро, почти физически ощутил, как ему не хватает её присутствия. Того, как она двигалась по его кухне, как разливала чай, как смотрела на него этим новым, незнакомым взглядом. Она приехала. Среди ночи, в холод, потому что услышала в его голосе что-то, чего он сам в себе не слышал.

Семён поставил термос на стол и долго сидел в темноте, глядя на него, и впервые за этот длинный, дурацкий день чувствовал не пустоту, а что-то другое. Живое. То, что не переписать кодом и не скопировать из файла удачи.

За окном уже светало, а он всё сидел и думал о том, что в мире, где даже вкус чая может исчезнуть от чужой жадности, есть вещи, которые остаются. Которые приходят к тебе в полночь с горячим термосом и смотрят так, что забываешь, зачем вообще хотел переписывать реальность.

Глава 10. Ухоженный сад

Она вошла в «Белый Журавль» не как обычный покупатель, а как луч спокойного, полуденного света, вдруг прорезавший мягкую полутьму чайного магазина. Семён, перебиривший пачки с улуном, почувствовал это ещё до того, как поднял голову, – воздух стал теплее, чище, в нём зазвучала тихая, едва уловимая нота сушёных луговых трав. Женщина улыбалась, и её улыбка не была дежурной; в ней читалась безмятежность человека, знающего себе цену и пребывающего в ладу с миром.

– Здравствуйте, – её голос был похож на шорох листвы. – Подскажите, у вас найдутся чай на основе трав? Не просто смеси, а что-то... настоящее.

Она говорила о травах не как о товаре, а как о старых знакомых, каждому из которых давала точную и почти поэтичную характеристику. Шалфей – страж, очищающий пространство от скверны своим дымом. Лаванда – умиротворительница, навевающая сон и покой. Колючий розмарин – неприступная стена против дурного глаза. Базилик, что стережёт семейный очаг. Горькая полынь, изгоняющая то, что боится света. Можжевельник – вечный, хвойный часовой.

Семён слушал, заворожённый. Его рациональный ум, привыкший всё раскладывать по полочкам, на этот раз молчал, уступив место простому восхищению. В её словах была глубина, уходящая корнями в те пласты памяти, где не ра-

ботала логика, но жило смутное узнавание.

– Я очень люблю травяные чаи, – признался он, сам удивляясь своей искренности. – Особенно в бане.

– Правильно, – кивнула женщина, и её глаза блеснули одобрительно. – Баня – это место силы. А ещё силу можно носить с собой. Вот, скажем, Одолень-трава, белая кувшинка. Знаешь о такой?

Он покачал головой.

– Раньше её изображение носили на шее, в ладанке. Но если беда пришла внезапно – упадок сил, будто кто-то сифоном выкачал всю энергию, – достаточно нарисовать её знак вот здесь, на ладони. – Она легонько указала на центр своей ладони. – Не панацея, но опору даст. Поможет вспомнить, кто ты есть.

Она произнесла это так просто, будто советовала выпить аспирин при головной боли. Но в её словах, в этом лёгком жесте, было что-то от посвящения. Семён почувствовал странный холодок вдоль позвоночника, смешанный с жгучим интересом.

Покупая скромный набор трав – чабрец, бутоны роз, лаванду – она как бы случайно заинтересовалась визиткой магазина. Семён, оживившись, рассказал о сайте. В ответ она достала из сумки свою визитку, неброскую, из грубоватой бумаги, с оттиском ветки полыни.

– Я веду небольшой блог, – сказала она. – О травах. Как

их понимать, собирать, слышать. Заходите, если любопытно. Меня зовут Елизавета.

Она ушла, оставив после себя не просто запах лаванды, а ощущение ясности и тихой радости, как после долгого разговора с очень мудрым человеком.

Елизавета стала появляться часто. Её визиты никогда не были долгими, но каждый раз она щедро роняла зёрна знаний: о том, что корни нужно копать на убывающую луну, а цветы рвать на рассвете, когда роса ещё держит в них ночную силу; о том, что у каждой травы есть не только свойства, но и характер, с которым нужно договориться. Её блог оказался сокровищницей – не сборником суеверий, а глубоким, уважительным исследованием многовекового диалога человека и растения. Семён ловил себя на том, что ждёт этих встреч, как ждут урока у любимого учителя. От неё веяло добротой, не вызывающей сомнений, и знанием, которое хотелось впитывать.

Он поделился своим открытием с Варей. Та, изучив блог Елизаветы, пришла в восторг.

– Сень, да она энциклопедия ходячая! И как всё тонко чувствует! Этот рецепт грудного сбора – гениально просто. Тебе крупно повезло с такой наставницей. Настоящая травница!

Слово «травница», сказанное Варей с лёгкостью и восхищением, отозвалось в Семёне странным эхом. Оно было таким точным, таким... окончательным. В его внутреннем

пространстве, где всё должно было иметь своё название и место, автоматически создалась новая директория. «Травница (Елизавета)». А внутри неё, как бы против воли его поэтической половины, возникли чёткие, сухие файлы описаний. Главный он назвал «Soft_Skills_Программы» и занес туда: «Мягкая прокачка знаниями. Гармоничное взаимодействие. Получение навыков: 1) Идентификация и свойства трав. 2) Методы применения (заварка, окуривание, амулеты). 3) Базовая синхронизация с природными циклами (луна, рассвет)». Было почти неловко раскладывать тёплое, живое общение по этим холодным, логическим полочкам, но иначе его ум просто не умел. Это был его способ понять, принять, сделать эту новую реальность своей.

Слова Вари стали для Семёна окончательным знаком «одобрено». Его внутренние сомнения, те самые, что шевелились где-то на задворках сознания, затихли.

Как-то раз, сразу после очередного ухода Елизаветы, в магазин зашла Марина. Она купила, не глядя, первую попавшуюся пачку зелёного чая и замерла у прилавка, глядя в след удалявшейся «травнице».

– Интересная знакомая, – произнесла Марина без эмоций.

– Да, – с теплотой в голосе отозвался Семён. – Удивительный человек. Столько знаний...

– Знаний, – повторила Марина, и в её голосе прозвучала тонкая, как лезвие, грань. Она медленно повернулась к Семёну. – Она светится, да? Таким ровным светом. Как сад в

самый разгар лета, где каждому ростку отведено своё место.

Семён кивнул, не понимая, к чему она ведёт. Вспомнились слова Вари о ревности, и он попытался увидеть в строгом лице Марины признаки этой самой, земной зависти. Но увидел только ту же самую, непробиваемую глубину.

– Сады бывают разными, Семён, – её голос опустился до шёпота, который, однако, был слышен совершенно отчётливо. – В некоторых за красивой оградой и спелыми плодами скрывается идеальная тюрьма. Садовник такого сада любит свои растения. Лелеет их. Но он никогда не позволит им вырасти выше, чем он задумал. Не позволит пустить корни за пределы отведённой грядки. И уж тем более – зацвести не в свой срок.

Она взяла свой чай и сделала шаг к выходу, но на пороге обернулась.

– Учись. Но не забывай смотреть, какие двери открывают перед тобой и какие – наглухо закрывают. Настоящее знание не приходит с вечным ярлыком «собственность». Его или дарят. Или берут с риском. За него не просят в залог твою волю. Никогда.

Дверь закрылась за ней с тихим щелчком. В тишине магазина, ещё хранившего тепло Елизаветы и горьковатый шлейф полыни с визитки, слова Марины повисли тяжёлыми, холодными каплями.

В тот же вечер, за ужином с Варей, он не удержался и рассказал ей о странной реакции Марины, о её словах про «сад-

клетку».

– Ой, Сень, – Варя махнула рукой, и в её голосе зазвучала снисходительная нежность. – Да она, по-моему, просто ревнует. Подумай сам: раньше она была для тебя единственным проводником во всём этом... странном. А теперь появилась эта светящаяся травница, с такими красивыми знаниями. Конечно, Марине неприятно, её статус пошатнулся. Она же не хочет тебя потерять, вот и пытается дискредитировать «конкурентку».

Семён задумался. Версия Вари была на удивление земной и человеческой. В ней не было таинственных заговоров, только простая житейская психология.

– Может, и так, – неуверенно сказал он.

– Конечно, так! – рассмеялась Варя. – Ты у нас теперь маг востребованный, за тебя дамы борются!

Они оба рассмеялись, и на мгновение тяжёлый налёт таинственности с ситуации спал. Всё вдруг показалось проще и понятнее.

Но позже, в одиночестве, холодок от слов Марины вернулся. Он открыл мысленную папку «Травница». Рядом с аккуратными файлами знаний теперь висел новый, созданный автоматически: «Предупреждение. Марина. Вероятность скрытого условия: высокая. Требуется перепроверка всех данных». А чуть ниже, как бы в споре с ним, всплыла запись, сделанная под влиянием Вариного смеха: «Гипотеза: мотивация ревности. Объективный статус угрозы: низкий».

Два файла. Две правды. Образ идеального, солнечного сада теперь имел двойное дно: в одном измерении – грядки, превращающиеся в клетки, забота, оборачивающаяся контролем; в другом – просто обиженная женщина и ненужные сложности.

Семён стоял, глядя на визитку с оттиском полыни. Кто она, Людмила? Добрая волшебница, протянувшая руку на пороге нового мира? Или искусный садовник, уже наметивший его, Семёна, как перспективный росток? А может, Варя права, и всё это – просто игра обычных человеческих чувств, разгляденная его обострившимся, но ещё не умеющим отличать важное от второстепенного, восприятием?

Ответа не было. Было лишь тихое покалывание в той самой ладони, на которой травница советовала рисовать цветков Одолень-травы. Символ защиты. Или чья-то метка?

Глава 11. Абонентская плата

Утренний ритуал с пуэром давно перестал быть для Семёна просто чаепитием. В эти полчаса тишины, когда город только просыпался за окнами «Белого Журавля», он настраивался, как радиоприёмник, проверял собственный «сигнал». Сегодня сигнал был ровным, чуть медитативным – идеальная частота для разговора по душам.

Марина появилась в дверях, когда он доливал вторую чашку. Покончив с утренними птицами, она заглянула за новой партией зелёного чая, но по тому, как она опустилась на

стул у прилавка, Семён понял: сегодня ей нужно не просто купить чай, а выговориться.

– На прошлой неделе ко мне приходил молодой человек, – начала она без предисловий, и голос её звучал глухо, будто издалека. – Хотел заказать расклад. Очень конкретно: с девушкой всё не ладится, думаю, что она изменяет. Спросите у карт Таро.

Семён замер с заварочным чайником в руках. Истории Марины всегда были похожи на притчи, свёрнутые в тугой свиток, который разворачивался медленно, слой за слоем.

– Я спросила, почему он так думает. Ответил, что холодна она к нему и что он хочет уйти. – Марина перевела взгляд на Семёна, и в её синих глазах мелькнуло что-то острое. – А зачем тогда, спрашиваю, тебе нужно знать о её изменах, если ты всё равно хочешь уйти?

– И что он?

– Замолчал. Долго молчал. А потом говорит: и до неё у меня девушка была, которая тоже не любила. Может, я вообще не женюсь никогда?

Семён почувствовал, как история прорастает в нём знакомой тоской – той самой, что когда-то привела его в этот город.

– И что ты сказала?

– Сказала, что не женится, если будет так говорить. – Марина усмехнулась уголком губ. – Он испугался. По-настоящему. Знаешь, такой страх... когда человек вдруг видит се-

бя со стороны – идущего по кругу, год за годом, по одним и тем же граблям.

– И что случилось? – Семён поставил чайник на подставку, забыв про заварку.

– Мы сделали свечи на открытие потока любви. – Марина взяла в руки пачку чая, но даже не смотрела на неё. – У него этот поток наглухо перекрыт. Страхом, старыми обидами, привычкой ждать подвоха. Свечи помогут канал прочистить. А уж кто войдёт в этот поток – эта девушка или другая, – это ему решать. Его воля, его выбор.

Семён покачал головой. В который раз он поражался этой странной логике: не сломать, а починить; не забрать, а дать возможность получить.

– Так ты точно не ведьма, – улыбнулся он. – Ну, или добрая ведьма.

– Доброта тут ни при чём, – парировала Марина, поднимаясь. – Просто профессионализм. Хороший мастер не ломает механизм, чтобы заставить его работать. Он чинит его, чтобы он работал как задумано.

Она ушла, оставив после себя лёгкий запах трав и недосказанности, а Семён ещё долго сидел, глядя на остывающий чай и думая о том, как по-разному можно чинить сломанные механизмы человеческих судеб.

Дни после этого разговора текли размеренно, заполненные работой над сайтом, чтением и привычной суетой магазина. Семён почти убедил себя, что история Марины забы-

лась, растворилась в деловой рутине, пока утро одного обычного дня не расколосось на «до» и «после».

Он не услышал звон колокольчика. Не почувствовал сквозняка от открывшейся двери. Мир просто... переключился.

Одно мгновение он стоял за прилавком, перебирая накладные на новую партию Те Гуань Инь, а в следующее – пространство вокруг изменилось до неузнаваемости. Воздух стал плотным, почти осязаемым. Свет приобрёл золотистый, медовый оттенок, хотя за стёклами висело обычное серое ростовское утро. Звуки исчезли – пропал гул машин с набережной, пропало тиканье старых часов, пропало даже собственное дыхание.

А потом он увидел Её.

Она была не просто красива. Она была воплощением дорогой, отточенной притягательности. Короткая юбка, подчёркивающая линию бёдер, льняная рубашка, распущенные волны тёмных волос. Простота обманчива: каждая деталь, от часов на тонком запястье до колец на пальцах, кричала о безупречном вкусе и серьёзных деньгах. От неё веяло блеском ночного мегаполиса и чем-то ещё – холодным, чуть сладковатым ароматом, похожим на ночные цветы, распускающиеся только раз в году.

– Добрый день. Мне нужна глиняная гайвань и пуэр «Клейкий рис», – её голос, низкий и бархатистый, заполнил пространство, и звуки вернулись, но в ушах Семёна ещё гу-

дел ледяной ветер.

Он с усилием заставил себя двигаться, говорить.

– У нас есть несколько вариантов, – его голос прозвучал хрипло, будто он сам только что спустился с перевала. – Исинская глина, цзиндэчжэньский фарфор...

Она подошла к полке с посудой, и Семён снова уловил тот странный запах. Пока он собирал заказ – выбирал самую лучшую гайвань, тёмно-коричневую, с едва заметным тиснением, упаковывал пуэр, прессованный в аккуратный блин с рисунком рисовых зёрен, – её взгляд скользил по полкам с травами.

– Неплохой у вас выбор, – заметила она с лёгкой снисходительностью эксперта. – Лаванда пробуждает страсть, пачули привлекает внимание противоположного пола. А базилик, если носить с собой, хорошо работает на финансовый поток.

– А я думал, для денег – лавровый лист, – по привычке вставил Семён, проверяя её реакцию.

– Лавр – да, – кивнула она, и в её глазах мелькнула искорка азарта. – Но он больше для побед, для успеха в делах. А деньги... деньги любят конкретику.

Она легко и непринуждённо рассказывала о пятничных встречах у Дона, о пуэре, который «заряжает на всю ночь», о костре и разговорах до рассвета.

– Звучит как шабаш, – пошутил Семён.

Девушка рассмеялась – дорого и отточенно.

– Какой шабаш! Сейчас в тренде безалкогольные, осознанные тусовки. А про ритуалы... – она прищурилась, изучая его. – Вы что, не верите? Богатство и слава просто так на голову не падают. Иногда себе нужно помочь. Ничего противозаконного. Вот, смотрите.

Она ловко открыла сумочку, достала изящный прозрачный чехол для карты. На обратной стороне лежал лавровый лист с тонко нанесёнными золотистыми символами.

– Мой талисман. Работает безотказно.

Она расплатилась и ушла, оставив лёгкий шлейф духов и обещание зайти ещё. А Семён остался стоять за прилавком, и в голове его уже крутилась яркая, почти навязчивая картинка: ночная набережная, гирлянды, смех, лунная дорожка на воде – и он, часть этой красивой, успешной тусовки. Желание оказаться там было почти физическим.

Через два дня она вернулась.

– Я знала, что вернусь, – услышал он вместо приветствия.

Сегодня на ней был лёгкий бежевый плащ, запахнутый, открывающий тонкий свитер и длинную юбку, струящуюся при каждом движении. Волосы собраны в небрежный узел, из которого выбивались пряди. Она подошла к прилавку, облокотилась на него, и теперь их разделяло всего полметра.

– Во-первых, чай. – Она улыбнулась открыто и почти тепло. – Я заварила тот пуэр. Знаете, я много где покупала чай, но такого вкуса не встречала. Он... живой. Он разговаривает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.